

The background of the book cover is a composite image. The top portion shows a dark blue sky with a thin white line representing an airplane's path and the curved horizon of the Earth. The bottom portion shows a city skyline at dusk or dawn, with buildings silhouetted against a light blue sky, and their reflection in a body of water.

Натанариэль Лиат

Сильванские
луны

16+

Натанариэль Лиат

Сильванские луны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30483985

SelfPub; 2018

Аннотация

Что обычно делают книжные попаданцы? Правильно, спасают мир. Но как быть, если мир, куда тебя занесло, похоже, вовсе не нуждается в спасении, и ты понятия не имеешь, зачем ты здесь и что дальше? Простому студенту из Питера предстоит сменить профессию, понять, кто друг, а кто враг, узнать, о чём поёт девушка в церковном хоре, пройти настоящую войну, которая ломает даже самых сильных, и, главное, найти своё место в новом мире – или дорогу обратно домой. Фэнтези о взрослении, о поиске своего пути и о том, что героями не рождаются.

Содержание

Пролог: Скоро	4
Часть первая: В чужом краю	7
Глава первая: Переход	7
Глава вторая: Степняки	31
Глава третья: Медвежий угол	72
Глава четвёртая: Течение	110
Глава пятая: Жеребёнок	148
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Пролог: Скоро

Хмурое весеннее утро, спрятанное за тучами, было немногим светлее ночи. Мир, разбитый и продрогший, пробуждался тяжело, словно человек, который дурно спал и проснулся уставшим.

Отгійская армия уже почти закончила переправу. Командиры не торопясь выстраивали своих людей в боевой порядок, спокойно поджидая с того берега реки последние части. Куда им было спешить? У них впереди было всё время в мире, а позади не лежала их столица, беззащитная, как ждущий мата шахматный король.

Вести, долетающие досюда, рассказывали, что жители спешно покидают пустеющий, замерший в ожидании удара Урсул. В блистающей Леокадии сейчас, должно быть, пьют за победу, которую уже считают своей, и шутят о том, как Регина Первая повесит у себя над камином шкуру сильванского медведя... Лёксий стиснул зубы. *Тише, маг.* Прибереги свою ярость, она тебе потом ещё пригодится.

Ветер надувал флаги над головами конных, как паруса. Среди двуцветных полотнищ белым чайчьем крылом трепетал личный штандарт королевы Регины.

Флаг Отгии, голубая полоса над чистой белой – небо и снег. Как же мало они походили на *это* небо и *этот* снег – полурастаявший, грязный, растоптанный людьми и конями,

размытый серым, как весь сегодняшний мир, дождём...

Лексий поймал себя на том, что тщетно ищет во вражеском строю знакомую фигуру. Рука сама дёрнулась к карману проверить, там ли ещё кольцо, но он силой заставил её опуститься обратно и запретил себе смотреть.

Поодаль шумела и буйствовала вспухшая от дождей и талых вод река. От одного этого звука у Лексия до сих пор пальцы сводило от холода. Где-то позади силванские воины забрасывали снежной слякотью и без того почти потухшие костры.

Скоро. Уже совсем скоро...

Странно, но вот сейчас, именно сейчас, в эту секунду, он даже почти совсем не боялся. На ум издалека, словно совсем из другой жизни в другом мире, пришло осознание, от которого ему захотелось рассмеяться: это ведь совсем как экзамен. Помнишь? Когда накануне страшно так, что, кажется, поседеть готов, а утром просыпаешься с одной только мыслью: «Пусть будет что будет, только поскорее бы...»

Ларс прищурился на низкое, тяжёлое небо и сказал:

– Снег пойдёт.

– Я тебя умоляю, – почти зло отозвался Элиас, которому сейчас сгодился бы любой повод для ссоры, – нашёл время для светских бесед! Может, ещё о поэзии поговорим?

Лексий смолчал. В душе он был рад хоть снегу, хоть граду – лишь бы не снова дождь. Хватит. Его и так уже было более чем довольно.

В отсыревшей голой роще по правую руку совсем по-весеннему наперебой галдели птицы. Где-то там, по другую сторону непроницаемого облачного щита, утреннее солнце сияло чисто и ярко.

Часть первая: В чужом краю

Глава первая: Переход

Апрель всегда был для Алексея самым тёмным временем петербургской весны. Легендарных белых ночей было ещё ждать и ждать, зато даже на ясные дни уже дурным предзнаменованием ложилась длинная чёрная тень грядущей сессии. Да, теперь этот страшный зверь уже не так пугал, как два года назад, но всё равно не сулил ничего хорошего.

Они с Радомиром вместе шли на метро. На самом деле, в последние годы они не так уж часто что-то делали вместе. Забавная всё-таки штука этот Питер: вроде и живёте в одном городе, а всё равно можете не видеться месяцами. То ли дело было раньше, дома, когда они мальчишками жили всего в квартале друг от друга, и после школы всегда можно было забежать к Раду в гости на тётьюМашин суп... Теперь друг снимал комнату где-то на самом верху синей ветки, Алексей обитал в общежитии на Васильевском острове, и обед себе давно уже приходилось готовить самому – правда, признать-ся, к третьему курсу он так толком и не научился.

Нет, концерт сегодня всё-таки был классный, но всё равно было здорово выйти из мигающей истерическим светом душной толчеи в прохладные, сырые от недавнего дождя су-

мерки. В последнюю пару часов вокруг Алексея слишком много кричали, хотя что уж там, он и сам так орал, что подозревал, что назавтра вообще говорить не сможет. Так забавно: вот живут себе люди, живут – тихо, спокойно, ходят на лекции, на работу, гуляют с собаками и девушками, а потом платят деньги за то, чтобы тесно набиться в замкнутое пространство, поглазеть на людей с гитарами и покричать во весь голос. Может, в такие моменты они просто дают выход подсознательному желанию заорать, которое в другое время подавляют? Оно наверняка нет-нет да и возникает у каждого, особенно, скажем, с утра в полной злых и потных людей маршрутке или там когда тебе вставать к первой паре, а ты ещё даже не ложился...

– Может, проспять завтра риторику? – задумчиво спросил Алексей у вселенной.

– Почему у тебя вообще возникают сомнения по этому поводу? По-моему, ответ очевиден, – хмыкнул Рад.

В самом деле, риторика была одним из тех удивительно полезных предметов, которые наверняка попадают в учебный план просто из опасения, что если у студентов будет слишком много свободного времени, они, не ровен час, создадут своё тайное общество и мир захватят.

В эту пору Невский и тот по своим меркам был почти безлюден. Шуршащие в ночи автомобили разбрызгивали лужи с отражениями фонарей.

– Конфликт чувства и долга.

– Тоже мне, герой французской классицистической драмы! Гони долг в шею. Уж лучше дома спать, чем на паре.

Рад частенько говорил жуть какие мудрые вещи. Алексей иногда подумывал начать за ним записывать.

Тусклые лампы в подземном переходе, куда они как раз спускались, электрически жужжали и подмигивали, словно вообразили себя декорациями фильма ужасов. Впрочем, даже будь Алексей самой что ни на есть трепетной девой, рядом с Радомиром ему и то страшно не было бы. Рад – он самого угодно мог напугать, с его-то плечищами! Он был из тех людей, с которыми безопаснее пожимать руку, чем обниматься, потому что лучше уж ненароком лишиться пары пальцев, чем всех рёбер разом...

Одно время Рад ходил в зал, но потом перестал, когда нашёл очередную работу – в области грузоперевозок. Рассказывал, что когда целый день таскаешь какой-нибудь истинно петербургской интеллигентной бабулениции её фортепьяно, комод и полное собрание трудов Льва Николаевича Толстого на восьмой этаж дома, где лифтом даже не пахнет, то ни на какую штангу потом смотреть не хочется... Да и надобность, в общем-то, отпадает. В эффективности метода сомневаться не приходилось – играй Рад, ну, скажем, норвежского ярла в какой-нибудь нордической мыльной опере, рейтинг сериала мгновенно подскочил бы до небес за счёт восторженных девиц. Тем более что у него и лицо было подходящее – хорошее такое, открытое лицо с красивыми крупными чертами...

Сам Алексей, к своему прискорбию, не имел счастья наблюдать в зеркале ничего примечательного. Так, вполне посредственная голубоглазая физиономия, не урод, и на том спасибо. Правда, давно бы пора подстричься, да всё как-то то некогда, то лень. Мама бы ворчала, что бестолочь-отпрыск оброс, как баран, отбившийся в горах от стада, но до мамы были сутки пути на поезде, да и вообще, у неё давно уже хватало дел поважнее, чем старший сын...

Ничего, на филфаке несложно было выглядеть хорошо – по большей части, потому, что сравнивать было особо не с кем, так как на всём потоке (если вообще не на целом курсе) набралось бы добро если с полдесятка юношей. Алексей иногда, если честно, и сам не вполне понимал, как его-то туда занесло...

Как раз в тот самый момент, когда его вдруг застиг этот философский вопрос, свет в переходе дважды мигнул и погас совсем. Вселенная, кажется, намекала, что думать нужно поменьше.

– Приехали! – недовольно прокомментировал Рад.

Они были уже на середине перехода, так что самым логичным показалось продолжать шагать вперёд. Алексей вроде нащупал ногой ступеньки, ведущие вверх, вернее сказать, просто-напросто об них споткнулся, но и они почему-то терялись в кромешной тьме. Ну, здрасте – а как же фонари, вывески, всё это световое загрязнение снаружи на улице, от которого ночью на небе звёзд не видеть? Не могло же весь

город разом обесточить...

Ещё удивительнее было другое: дверь, в которую он уткнулся на последней ступеньке. Что такое? Он что, пропустил какие-то важные нововведения? Откуда в подземном переходе взяться обычной, деревянной на ощупь двери с изогнутой ручкой?

Когда Алексей машинально нажал на неё, дверь подалась. Было не заперто, и, к его невольной радости, в открывшийся проём виднелся свет...

...кажется, солнечный.

Куда бы они ни вышли, это был не ночной Невский.

Алексей сделал несколько машинальных шагов вперёд, недоумённо оглядывая комнату. Местечко смахивало на какую-нибудь старомодную бакалейную лавку: стены скрывались за полками со всякой всячиной, упакованной в стеклянные банки и матерчатые мешки, на прилавке раскрытым лежал здоровенный гроссбух, а рядом с ним – перо (ого, они что, правда им пишут?) и звонок. Электрических ламп не было; в подсвечниках ждали ночи оплывшие огарки, но их время пока не пришло – полутёмную комнату пронизывал косой, тёплый, полный пляшущих пылинок свет вечернего солнца, процеженный через рыжую листву дружески склоняющегося к окну клёна.

Алексей устремил задумчивый взгляд на этот клён, смутно осознавая, что для апреля дерево ведёт себя довольно странно. Солнце тоже, кажется, что-то перепутало, но следо-

вало признать, что спорить с космическими телами в любом случае было бы номером дохлым.

Опомнившись, он поискал глазами Рада. Тот стоял на пороге двери, через которую они вошли. Дверь выглядела вполне невинно – так, словно вела в какую-нибудь кладовку или чулан; притолока была такой низкой, что Радомиру, наверное, пришлось пригнуться, чтобы пройти.

Ладно, хорошо. Вопрос о том, как они сюда попали и куда это – «сюда», можно было отложить до лучших времён. И, главное, до лучших, более знакомых мест.

– Тебе не кажется, что нам стоит обратно вернуться? – буднично осведомился Алексей.

– Кажется, – спокойно сказал Рад. – Только там стена.

Ну привет. Этого ещё не хватало.

– Как стена? – опешил Алексей. Нет, ничего поостроумнее он придумать действительно не мог.

– Пойди сам посмотри, – посоветовал друг и правильно сделал, потому что на слово в такие вещи обычно как-то не верится.

Алексей пошёл и посмотрел. И даже пощупал. Он спустился по лестнице, сейчас постфактум слишком ясно осознавая, что она слишком узкая для питерского подземного перехода, шумно влетел в потёмках в гору какого-то хлама на полу, выругался, когда что-то покатилося и зазвенело, и шага через два действительно встретился со стеной. Сплошной, вполне себе осязаемой и насквозь не проходимой. На

ощупь в ней не нашлось ни щелей, ни дырок, ни каких-либо признаков устройства, способного открыть в этой каменной кладке потайной ход – ничего.

Так. Пить они вроде сегодня не пили, да и ничего другого не употребляли тоже. Какие тогда остаются варианты? Что всё это – сон? Невероятная невозмутимость Радомира, кстати, как раз наводила на мысль, что вся эта чертовщина Алексею только снится, но он вовремя вспомнил, что Рад всегда такой. Случись пожар, он, наверное, вот с этим же самым спокойным лицом сначала галантно пропустил бы вперёд визжащих от ужаса дам и только потом сам вышел бы следом, да ещё и дверь за собой прикрыть не забыл...

– Что делать? – глубокомысленно спросил у него Алексей, поднявшись обратно.

Рад сдвинул брови и прислушался.

– Прежде всего – выйти отсюда. Не знаю, как ты, а я не горю желанием в случае чего объяснять хозяевам, как мы сюда попали.

Да уж, кто бы мне самому объяснил...

К счастью, входная дверь оказалась заперта на один только засов. Когда Алексей неосторожно открыл её, где-то сверху во весь голос звякнул не в меру жизнерадостный колокольчик, и оба невольных взломщика настороженно застыли, ожидая, что кто-нибудь сейчас прибежит разбираться, но всё, что последовало – это тишина. Лавка, или что бы это ни было такое, похоже, была пуста, равно как и переулок, в

который выходило крыльцо.

Узкую, вымощенную брусчаткой улочку, как корсет талию, с обеих сторон стискивали дома, судя по архитектуре, видевшие ещё позапрошлый век. В принципе, пейзаж сошёл бы за какой-нибудь укромный уголок в центре Петербурга, если закрыть глаза на то, что в фонарях, на крюках повешенных у дверей, вместо ламп накаливания почему-то были свечи. Алексей закрыл. Так было проще.

Он прислушался, но не уловил ни с какой стороны гула оживлённого уличного движения. Вообще, было как-то странно тихо. Вокруг не было видно ни души, только откуда-то из дальнего конца улицы доносился лёгкий шорох, похожий на шум моря – или пчелиное жужжание взбудораженной толпы.

Алексей молча переглянулся с Радом и прочитал у него на лице эхо собственного сомнения: разумно ли туда идти?

– Ну, в конце концов, там же люди, – сказал он вслух, отчасти чтобы убедить самого себя. Там люди, а у людей, возможно, получится узнать, что происходит, почему время идёт назад от ночи к вечеру, а в середине апреля на дворе стоит прекрасная золотая осень...

По мере того, как они подходили ближе, гул распался на отдельные звуки: многоголосый говор, нервные взвизгивания перевозбуждённой скрипки, холодная ясная флейта... Ладно, музыка хотя бы намекала на то, что здесь что-то празднуют, а не дерутся. Уже хорошо.

Переулок вывел их на небольшую округлую площадь, и при одном взгляде на неё становилось ясно, куда делся весь народ с пустынных окрестных улиц. Толпа была гуще, чем в час пик в метро. Музыка играла сразу с двух сторон; казалось, исполнители мало того что не потрудились договориться, что именно они будут исполнять, так ещё и явно соревновались в громкости, но ровный, весёлый гам людского роя всё равно почти перекрывал надрывающиеся инструменты. Фасады домов были украшены яркими флажками, выходящие на площадь карнизы и балконы пестрели цветами в вазах и букетами – нет, целыми костюмами лимонных, алых и огненных осенних листьев. Впереди, над морем людских голов, виднелось белое здание с грубоватыми, но яркими витражами в стрельчатых окнах. Полукругом стоящие на его широких ступенях фигуры в жёлтом пели что-то хором.

Хотя Алексей не так уж долго прожил в Питере, в городе он ориентировался, вот только сейчас это не помогало – ему никак не удавалось узнать район. Он решил подойти и спросить у кого-нибудь, и это было его тактической ошибкой, потому что стоило ему приблизиться к толпе – и он, сам не заметив, как, уже оказался в её гуще, затянутый ею, словно болотом. На мгновение он потерял ориентацию в пространстве, оглушённый музыкой, смехом и гомоном; вокруг разом говорило столько голосов, что он не мог различить отдельных слов. Мельком подумалось, что и одеты все как-то странно – это что, какой-нибудь карнавал?..

Кто-то крепко взял его за плечо.

– И чего тебя только сюда потянуло? – поинтересовался Рад, возникший рядом. – Давно себя сельдью в бочке не чувствовал?

– Да это не бочка, а какое-то Ходынское поле... – нервно усмехнулся Алексей и, кажется, сглазил, потому что по толпе вокруг вдруг прошла рябь, и стоящие рядом, стиснутые другими людьми вокруг, крепко зажали и его.

Причину не пришлось искать долго: ею оказалась покрасневшая, блестящая белыми зубами коротковолосая девушка в жёлтом, плывущая через людское море на плечах у крепкого, почти Раду под стать, детины – если бы не он, ей, пожалуй, сквозь человеческий кисель было бы не пробиться. Девица то и дело запускала руку в кожаный мешок и щедрыми горстями раскидывала вокруг маленькие голубые цветы, которые люди ловили в сложенные лодочками ладони. Иногда в девичьих пальчиках вместо синих лепестков металлически сверкало что-то золотистое, и тогда все вокруг, и женщины, и мужчины, наперебой тянули к ней руки и шеи, и она, смеясь, надевала на них кулоны, перстни, браслеты... Она раздавала все эти побрякушки так щедро и легко, что сразу становилось ясно: они ничего не стоят, но народ хватал их не хуже сорок, которым сойдёт что угодно блестящее. Как всегда, лишь бы даром...

Парень, игравший роль коня или верблюда, целеустремлённо и легко двигался вперёд, невозмутимо придерживая

укрытые золотистым подолом колени своей мягко покачивающейся ноши, и толпа кое-как раздвигалась, чтобы дать ему пройти. Странная наездница была хорошенькой, и, когда она поравнялась с Алексеем, он невольно улыбнулся ей. Она заметила его, ответила ему улыбкой, нарисовавшей у неё на щеках милые ямочки, пошарила у себя в мешке и, покошачьи изогнувшись – он не успел и слова произнести, – надела что-то ему на шею.

– На счастье! – прокомментировал у самого уха кто-то из соседей.

Прежде чем Алексей сообразил, что к чему, за носильщиком уже сомкнулась толпа, и всё, что он ещё видел – это яркую спину одарившей его да синий цветочный дождь...

– Надо бы выбираться отсюда, как считаешь?

Опомнившись, Алексей согласно кивнул на уместное замечание Рада и стал искать пути к отступлению. Пробраться назад к переулку, из которого они вышли, нечего было и думать, и, просто чтобы выбраться из давки, они двинулись к густо увитой покрасневшим по случаю осени девичьим виноградом арке, ведущей куда-то ещё. Толпа пропускала их с неохотой; под ногами шуршали лепестки, сухие листья, оброненные кем-то разноцветные ленты, и что-то кричала в спину музыка.

Улочка за аркой была немногим шире той, первой, и неправильным, тупым углом загибалась влево, за жёлтый трёхэтажный дом с низким крылечком. На ступеньках, со-

средоточенно умываясь, восседала кошка; если не считать сей пушистой особы, вокруг было пусто. Кажется, на площади происходило что-то действительно важное, раз там сейчас собрались все-все...

Алексей беспомощно окинул взглядом закрытые ставни, солнечный огонь в стёклах полукруглых слуховых окошек под самыми крышами, натянутую между двумя домами прямо через улицу бельевую верёвку. Сохнувшая на ней одежда выглядела так, словно кто-то затеял большую стирку театрального реквизита.

– Может, вернуться туда, откуда мы пришли? – неуверенно предположил он.

Вокруг творилось что-то совершенно непонятное, а та лавка, куда они почему-то вышли с Невского, казалась какой-никакой нитью обратно к нормальному, знакомому Петербургу. Ведь, в конце концов, вход частенько одновременно по совместительству является выходом, вдруг тот странный путь, которым они сюда попали, всё-таки работает в обе стороны?..

– Резонно, – кивнул Рад, – только как туда попасть? Ты дорогу найдёшь?

И вот это действительно было проблемой.

Алексей примерно представлял себе направление – но и только. Они наугад отправились вперёд, надеясь, что рано или поздно от этой улицы ответвится рукав, ведущий в нужную им сторону. Не тут-то было: как назло, ни переулочка, ни

перекрёстка... Наконец Алексей заметил по правую руку забор, в котором не хватало пары досок. Они сунулись туда, надеясь найти за ним что-то вроде проходного двора, и мгновенно уяснили, что забор стоит здесь не просто так: им навстречу с оглушительным хриплым лаем бросилась пара гигантских косматых псов.

Алексей отшатнулся, уверенный, что через секунду его собьют с ног и вопьются в горло, но тут же услышал звон натянутых цепей. Зубастые громадины бесновались и отчаянно рвались с привязи в шаге от них с Радом; к счастью, цепи держали, вот только путь к спасительному лазу в заборе всё равно был отрезан, а на двери у Алексея за спиной уже гремел засов...

– Прбпасть! Что вам здесь нужно?! Проклятые воры!

Заливистый лай собак почти заглушал голос их хозяина, возникшего на заднем крыльце, но, впрочем, его лицо и поза говорили не хуже слов. Должно быть, у него в чуланах и впрямь припрятано что-нибудь очень ценное, раз он так быстро выскочил... Приземистый мужчина с квадратной челюстью и полуседыми длинными волосами, стянутыми хвостом на затылке, сжимал в руке палку – добро хоть не ружьё!.. – которую, кажется, был не прочь пустить в ход.

– Это ошибка, – Рад вскинул к груди руки ладонями вверх, словно показывая, что сдаётся. – Мы просто заблудились и сейчас уйдём.

Хозяин неведомых сокровищ, кажется, не расслышал. Он

шикнул на собак, чтобы те прекратили шуметь, перевёл хмурым взгляд с Алексея на Рада и обратно...

– Ты! – обратился он к Алексею, указав на него движением подбородка. – Что за дичь он несёт? Айду, что это вообще за язык?! Ты тоже по человечески не умеешь?

Алексей хотел было заметить, что Рад объясняется на чистом русском, как и его неприветливый собеседник, и что совершенно непонятно поэтому, почему у них возникают досадные коммуникативные неудачи (даже в такие моменты выученные за три года на филфаке словечки сами выскакивали откуда-то из подкорки), но прикусил язык. Пререкаться с сумасшедшим, особенно если тот вооружён двумя парами верных ему собачьих челюстей, казалось не самой лучшей идеей.

– Мы просим прощения, – сказал он, стараясь звучать ровно и отчётливо. – Честное слово, мы вторглись к вам совершенно случайно. Просто заблудились. Если вы позволите, мы немедленно уйдём.

Какое-то время мужчина с подозрением изучал его, словно пытался прочитать у него на лице, лжёт вторженец или не лжёт, но в конце концов сделал неопределённый жест своей палкой:

– Убирайтесь оба! И чтобы духу вашего здесь больше не было!

Они не заставили просить себя дважды. По несущемуся вслед пришельцам ворчанию псов было понятно, что зверю-

ги очень сожалеют, что никакой потенциальный вор не достался им сегодня на ужин.

Оказавшись на достаточно безопасном расстоянии от злополучного забора, Алексей на минутку остановился, чтобы собраться с мыслями. Да, вечер явно не задался...

Близились ночь, слуховые окошки погасли – солнце спряталось за дома. Ветер, шуршащий кронами деревьев где-то там, во дворах, для осени был ещё тёплым. До сих пор ниоткуда не было слышно машин, и удивительную тишину нарушали лишь приглушённо доносящиеся из одного из открытых окон на верхних этажах звон посуды и песня – обычная застольная песенка, развесёлая и бессмысленная. Если постараться, можно было даже разобрать текст, что-то вроде: «Я в понедельник шёл домой, был пьяным в стельку я! Гляжу, чужая лошадь там, где быть должна моя!..» и дальше в том же духе...

Он повернулся к Раду и только сейчас осознал, какими глазами тот на него смотрит. Как будто призрака увидел.

– Что? – осведомился Алексей с подозрением.

– Лёшка, – взгляд Рада был спокойным, но очень, очень серьёзным, – что он тебе сейчас сказал?

Ну вот, ещё один! Да что сегодня со всеми творится? Эпидемия внезапной глухоты? Слуховые галлюцинации?

– Ты тоже перестал по-русски понимать? – вежливо уточнил Алексей.

– Ты правда считаешь, что это был русский?

Алексей, который уже был сыт по горло всей этой ерундой, открыл было рот, чтобы высказать своё скромное мнение по поводу и в адрес всего происходящего, но Рад прервал его, даже не дав начать.

– погоди, – велел он и чуть склонил голову набок. – Песню слышишь?

– Ну, слышу, – хмыкнул Алексей, не понимая, причём здесь это.

– О чём она?

Он прислушался.

«Своей хорошенькой жене сказал с упрёком я: «Чья это лошадь там стоит, где быть должна моя?»...»

Алексей пожал плечами.

– Не знаю, – сказал он. – О лошади. О неверной жене. Чушь какая-то. В чём дело?

– Ну-каними эту штуку.

Он, если честно, даже не сразу сообразил, что Рад имеет в виду кулон, надетый девушкой с площади.

Алексей послушно снял украшение, до сих пор не понимая, к чему это Рад клонит.

– А теперь слушай снова, – скомандовал тот.

Алексей подчинился и запутался ещё больше: мелодия – залихватская, с тактом, словно нарочно созданным, чтобы отбивать его кружкой по столу – осталась прежней, а вот вразумительные слова вдруг превратились в бессмысленный набор звуков. Как будто ту же песню с середины куплета нача-

ли петь на другом языке. Голоса тоже не изменились, даже трезвее и то не стали.

Рад, прищурившись, смотрел на него.

– Понимаешь теперь?

Нет, Алексей ничегошеньки не понимал.

Он тупо воззрился на подарок незнакомки. Вроде ничего такого особенного: простой кожаный шнурок, а на нём – медальон, то ли из золотистого металла, то ли из какого-то камня, не разберёшь. Гладкий, округлый, с будто замороженным в прохладную поверхность узором из тонких, разветвлённых прожилок – словно обнажённые ветви белого дерева на фоне жёлтого закатного неба, как раз такого же, как сейчас у них над головами...

Когда он снова надел вещицу на шею, жёнушка из песни убеждала пьяницу-мужа, что подозрительная чужая лошадь – это корова. Сказать по правде, в глазах Алексея это чудесное превращение одной скотины в другую мало что меняло к лучшему.

– Так ты правда не понимал, что говорит этот дядька? – уточнил он наконец.

Рад мотнул головой.

– Ни словечка. Да и меня он явно не понял, ты же видел!

А вот тебя...

Алексей невольно потрогал медальон. Да что же это такое? Магия, что ли? Вообще не смешно.

– И ты думаешь, эта штука виновата?

Друг неопределённо повёл плечами:

– Ну, вывод вроде как напрашивается сам собой, разве нет?

Из открытого окна тянулся уже невесть какой по счёту куплет всё той же несчастной песни. У её героя, кажется, были серьёзные проблемы с алкоголем, не говоря уже о семейной жизни.

Когда Рад неспешно зашагал дальше по улице, Алексей бездумно двинулся за ним, просто потому, что, в общем-то, в его глазах сейчас не было большой разницы, куда идти. Возвращение к знакомой лавке с её таинственным чуланом вдруг показалось бессмысленным, да и очевидно было, что они вряд ли найдут туда дорогу. В какой-то момент Алексей окончательно потерялся и вряд ли смог бы сказать, какими путями они оказались на окраине города, где дома уступали место садам и рощам, за которыми, ниже по склону пологого невысокого холма, начинались и до самого горизонта тянулись луга...

Прозрачный вечер мутили чернила сумерек. Влажный воздух вкусно пах пожухшей травой и дымом из чьих-то труб. Когда Алексей был помладше и ездил летом в деревню, этот запах – запах чужого дыма в темноте – почему-то всегда заставлял его чувствовать себя странно одиноким...

– Ну и далеко ты собрался? – не выдержал он, когда Рад направился вниз по склону между двух соседних садовых оград.

Радомир остановился и сорвал яблоко с ветки, под тяжестью плодов перегнувшейся наружу через высокий, в человеческий рост, дощатый забор.

– Понятия не имею, – признался он и с хрустом откусил. – Я в этих местах в первый раз, а ты?

Алексей зло уставился на него, но его горящий взор, словно в щит, упёрся в читающее в серых глазах спокойствие.

Рад правда всегда был таким, сколько Алексей его помнил. Рассудительным. Сдержанным. Собранным. Когда они познакомились в школе, для Лёшки Кірина стало гигантским открытием, что на свете бывают люди, которые – надо же! – *думают*, прежде чем сделать или сказать. И, мало того, и других учат тому же (если приходится – слегка насильственными путями). Алексей сбивался со счёта, когда пытался вспомнить, сколько раз Рад удерживал его от поступков, о которых ему потом наверняка пришлось бы пожалеть...

А ещё Радомир никогда не паниковал. Он был одним из тех, кто вечером перед страшным экзаменом способен всё взвесить, прийти к выводу, что даже если ты вдруг проваляшься, никто не умрёт, и спокойно лечь спать. И уснуть. Он всегда действовал по простому и мудрому правилу: если проблему можно решить, нужно решать её и не переживать, а если решить её нельзя – то тогда переживать тем более нет смысла...

И ещё то, как он перенёс смерть матери два года назад.

Пока она болела, Рад оставил учёбу, чтобы поехать к ней,

домой, а потом хотел вернуться в свой Горный, да так и не вернулся, но это было единственным, что он позволил скорби с собой сделать. В остальном для парня, у которого не было другой семьи, он держался просто потрясающе. Чтобы сохранять такое присутствие духа под ударом судьбы, наверное, нужно быть по меньшей мере рыцарем из средневековой баллады... Но тут Алексей оборвал сам себя. Это была уже совсем другая история, и никто, кроме Рада, не имел права её ворошить.

Как бы то ни было, сейчас они двое стояли в паре шагов друг от друга – Алексей выше по склону, Рад пониже, – и одному с каждой минутой становилось всё сложнее не заорать что-нибудь некультурное вслух, просто чтобы сбросить пар, а другой невозмутимо ел яблоко. В целом, в самых общих чертах, ситуация была вполне привычная. Подобное с ними случалось сплошь и рядом, вот только дело обычно было не на окраине какого-то неведомого города, где не говорят по-русски и одеваются как на бал-маскарад...

Алексей на всё это не подписывался. Он просто добирался домой с концерта, и, чёрт побери, он хотел попасть домой.

Рад доел яблоко, выкинул огрызок в сочные лопухи и потянулся за новым, но почему-то не сорвал. Вместо этого он рассмеялся – непонятно, чему.

– Как ты думаешь, – задумчиво проговорил он, – может быть что-то общее у подземного перехода и платяного шкафа?

– Примерно столько же сходства, что и у ворона с письменным столом, – непонимающе хмыкнул Алексей. – С чего это ты вдруг Кэрролла вспомнил?

– Да не его, – отмахнулся Рад, – другого Льюиса... Который Клайв. Ты что, не читал? В детстве?

Алексей, признаться честно, в детстве вообще не очень любил читать. Это потом, в старшей школе ему что-то в голову ударило, но там с Достоевским и Гончаровым из школьной программы было уже не до разных Гарри Поттеров и Нарний... Впрочем, он, кажется, мельком видел фильмы, потому что в памяти что-то всплывало. Что-то про колдунью, говорящего льва и – да, про детей, случайно попавших в волшебную страну.

Это, кажется, был один из излюбленных сюжетов в фэнтези и сказках. Алексей не то чтобы увлекался подобным, но на ум сами пришли Линдгрэн с её Мио и братьями Львиное Сердце, тот же Кэрролл, да Волков, в конце концов...

– Есть ведь даже какое-то специальное слово, да? – рассеянно произнёс он вслух. – Как там?.. Попадатели?..

– Попаданцы, – поправил Рад, который точно понимал в теме больше. Может, даже слишком много. Интересно, что он там читал накануне? Что бы ни было, ему явно стоит прекратить...

– Ты сейчас действительно пытаешься сказать мне, что мы – в параллельном мире? – уточнил Алексей просто на всякий случай, для полной уверенности, что правильно всё по-

нимает.

Рад поднял голову, подставляя лицо тихой ласке ночного ветра.

– Посмотри на небо, – посоветвал он вместо ответа. – Оно сегодня здесь просто прекрасно.

Алексей не был настроен любоваться звёздами, но глаза всё-таки поднял – и увидел две луны.

Радомир не солгал, небо действительно было красиво, как мечта. Последний бледный отсвет на западе неуловимо перетекал в зените в прозрачный, звенящий тёмно-синий, и в этом холодном синем, пока ещё низко над горизонтом, сияла почти полная, лишь самую чуточку ущербная луна, похожая на фонарь, а чуть ниже и правее рыболовным крючком висел тоненький серп растущего месяца.

Нет. Ну нет же.

Всему этому должно найтись какое-то другое, разумное объяснение. Ну да, понадобится время, чтобы его изобрести, но Алексей был уверен, что рано или поздно-...

Рад вдруг снова расхохотался, искренне и от души.

– Дружище, да сделай же лицо попроще! – весело попросил он. – Ну неужели тебе в прошлом никогда самому не хотелось попасть ни в какие волшебные края к приключениям? Ни за что не поверю!

– Да нет, – тупо, но искренне отозвался Алексей. В детстве, когда ему не хватало приключений, он прекрасно устраивал их себе сам в самом что ни на есть реальном мире.

Правда, потом частенько получал по ушам от отца, но и это было вполне закономерно... – А тебе?

– Ребёнком – постоянно, – усмехнулся Рад. – С иными книжками всё бы отдал, чтобы самому под обложку попасть... Строил планы, как при случае умно и быстро решил бы все проблемы, над которыми эти бедняги персонажи бьются по триста страниц. И да, лет до двенадцати заглядывал во все шкафы, которые мне попадались, потому что никогда ведь не знаешь...

Да. Это уж точно. Вот эта фраза, последняя, была сейчас страшно актуальна.

Алексей осознал, что «никогда» не «никогда», но по крайней в данный момент он, кажется, вообще ничего не знает, совершенно ни в чём не уверен и не имеет ни малейшего желания строить догадки.

В конце концов, это тут у них едва стемнело, а в Питере, где бы он ни был, сейчас уже глубокая ночь, и днём к тому же было аж целых четыре пары...

– Ладно, – сказал он устало. – Чёрт с ними, со шкафами и с попаданцами. Что делать-то будем?

Рад пригнул ветку и сорвал с неё ещё два яблока.

– Я считаю, что нужно найти, где переночевать, – заявил он, протягивая одно другу. – В конце концов, утро вечера мудренее. Завтра со всем разберёмся.

По мнению Алексея, звучало это излишне оптимистично, но тем не менее казалось приемлемым планом. По крайней

мере, ему самому в голову не пришло ничего получше.

Яблоко по вкусу, по крайней мере, было как самое обычное и даже почти не кислое яблоко. Хотя что-то в этой жизни осталось прежним.

Глава вторая: Степняки

Они провели ночь в чьём-то сарае. Алексей, завернувшийся в собственную куртку, всё равно то и дело выныривал из беспокойного сна от стука собственных зубов, потому что в помещении, занятом кое-как сваленным садовым инвентарём и отсыревшей поленницей в углу, было немногим теплее, чем под открытым небом. Из многочисленных щелей тянуло сквозняком, но, с другой стороны, наличие щелей подсказывало, что опасность встретиться с хозяином полузаброшенной постройки сравнительно невелика. Хотя что уж там, какой хозяин, если эта развалюха вообще была вместо засова была закрыта на простую доску – причём снаружи...

По законам жанра Алексею вроде как полагалось проснуться и в полудрёме подумать что-нибудь вроде «Ну и приснится же такая дичь!», чтобы потом открыть глаза и осознать: как бы не так. Но у него всё с самого начала пошло не по правилам, потому что сбжавшая из поленницы угловатая деревяшка, больно впивающаяся ему под рёбра, не оставляла самообману ни единого шанса. Пришлось продрать глаза – эх, как будто вообще не спал!.. – и смириться с тем очевидным фактом, что всё, что с ним случилось, случилось наяву. И ещё что он зверски голоден.

Они позавтракали бутербродами, очень кстати оказавшимися у Алексея в рюкзаке – в очередях в столовую на фа-

культете состариться было можно, так что он всегда брал с собой перекусить. Сидя на перевёрнутом кверху дном ведре, Алексей дожевал последний кусок и попросил:

– Так, а теперь, будь добр, расскажи мне всё, что знаешь об историях про этих твоих попаданцев.

Поговорка не солгала, и утро действительно принесло ему какое-никакое прояснение ума. Что бы там ни случилось вчера, чтобы разобраться в ситуации, нужно было сосредоточиться. И по возможности подготовиться к тому, что, хотя бы в теории, может ждать их впереди.

Ликбез от Рада что-то не обнадёживал: получалось, будто бы в подавляющем большинстве случаев вернуться обратно домой можно было лишь после того, как загремевший на чужбину попаданец побеждал какое-нибудь великое зло или, чего доброго, вообще мир спасал. Пророчества, избранность, любовные линии и возможность в конечном итоге познать себя и обрести душевное равновесие прилагались в качестве бонусов.

Всё это, конечно, звучало очень здорово, загвоздка была только в одном: Алексей совершенно не мечтал о героической карьере. Да и перспектива на год загреметь в мироспасательную экспедицию куда-то за синие горы, за синий туман тоже что-то не привлекала. Почему это путь домой обязательно должен лежать через дальние дали?

– И как мы поступим? – спросил Алексей, не особо ожидая ответа. – Будем ходить по округе и приставать к мест-

ным с расспросами о том, не нужно ли им часом завалить какого-нибудь тирана или там страшное древнее проклятие снять? Как это вообще работает?

– Ну, да, примерно так, – рассмеялся Рад. – В общих чертах. Ты вчера высказал умную мысль, я думаю, действительно надо бы вернуться к тому месту, где мы появились, и повторно оценить обстановку. Побродить по округе, приглядеться, послушать, о чём народ говорит, благо ты их понимаешь...

На том они и порешили: пойти на разведку, попытаться что-то выяснить, действовать по обстоятельствам. Алексей предпочёл бы чуточку больше конкретики, но выбирать не приходилось.

Утро за дверью сарая было чудесное, но Алексей, если честно, даже как-то этого не заметил – был не в том настроении. Когда они шли вдоль глухих заборов окраины, за которыми слышались стук топора, лай собак и скрип колодезных ворот, он тайком поглядывал на Рада. Тот шагал спокойно и бодро, а когда осматривался вокруг, едва уловимая тень улыбки на его губах намекала, что – удивительное дело! – всё происходящее скорее веселит его, чем тревожит... Признаться, Алексей ему поражался. Ведь, в конце концов, они даже не знают, где они и смогут ли они-...

– Да будет тебе, – вдруг сказал Рад, словно мысли его прочитал – ну, или словно заметил наконец его мрачную физиономию, что было куда больше похоже на правду, – перестань

воспринимать всё настолько серьёзно!.. Ничего страшного же не случилось. Ну, сам посуди. Вот когда ты, например, в последний раз звонил родителям? Или они тебе?

При всей своей кажущейся простоте вопрос поставил Алексея в тупик. Он уставился на яркое осеннее небо и честно попытался вспомнить. На новый год? А, или нет, позже, на мамин день рождения – она бы обиделась на всю жизнь, если бы он не поздравил. Ну, или не на всю – Алексею иногда казалось, что рано или поздно она просто вообще забыла бы о сыне, не напоминая он о себе раз в полгода...

Ни мать, ни тем более отчим не звонили ему первыми почти никогда – были слишком заняты Зинаидой, своим первым, так сказать, совместным проектом. Алексей мог их понять: кому нужен двадцатилетний оболтус где-то у чёрта на куличках, если рядышком, дома есть хорошенькая светленькая первоклашка... Он недавно видел Зинины фотографии, она правда стала очень милая. И, как ни странно, уже почти не вызывала у наполовину брата никаких эмоций. Может быть, потому, что первый год после появления этой малявки на свет он ненавидел её так отчаянно, что в итоге выдохся. Может быть, потому, что пространство лечит не хуже, чем время, и целительная тысяча километров между ним и его семьёй сделала своё дело. Всё-таки сбежать в Питер в своё время было великолепной идеей. Они с отчимом не враждовали, ничего такого, открытые размолвки можно было пересчитать по пальцам, но... дом просто перестал быть домом,

когда в него вошёл чужой, и там больше не было смысла оставаться. Вот и всё.

Отец – тот вообще ни разу не выходил на связь с тех пор, как. Алексей понятия не имел, где папа сейчас и как у него дела, и единственным чувством, которое он испытывал по этому поводу, был стыд из-за отсутствия всяких чувств. Ну, то есть вроде как полагалось или скучать, или ненавидеть, а он в последнее время об отце и вспоминал-то нечасто – повседневность подкидывала достаточно других поводов для размышления, куда как более насущных. Наверное, Алексей просто всегда был паршивым сыном, он давно подозревал...

Он до сих пор иногда удивлялся, как быстро люди, которых ты всю жизнь считал своей семьёй, могут стать тебе чужими. Не врагами – это было бы понятнее, от любви до ненависти один шаг и всё такое –, а просто никем. Без грандиозных ссор, без скандалов и демонстративных уходов из дома, просто. Так, что ты даже не сразу замечаешь, что это случилось...

– Вот видишь, – хмыкнул Рад. – И с Иринкой вы разбежались, хотя я до сих пор не пойму, с чего. Значит, переживать за тебя никто не станет. Ну, да, есть ещё универ, конечно, я понимаю, сессия скоро и все дела, но это ведь тоже делается как-то. Принесёшь липовую справку о болезни или ещё что...

Алексей посмотрел на вещи с этой стороны и был вынужден согласиться.

– Да, ты, кажется, прав, – вздохнул он.

– Ну вот и успокойся. Ты же сам не хотел на риторику идти.

Вот уж точно, кажется, поговорка о том, что нужно быть осторожным со своими желаниями, дело говорит.

Как ни странно, сегодня они довольно быстро нашли ту лавочку, в которую невольно вломились днём раньше. Нашли случайно – очередная незнакомая улица как-то сама вывела их на вчерашнюю площадь, а дальше было легко. На память о прошедшем празднике на площади остался только мусор; два уборщика с мётлами сгребали в кучи мешанину листьев, грязных лент и растоптанных цветов. Хозяева магазинов на первых этажах домов поднимали закрывающие витрины деревянные щиты.

Нужная им лавка уже была открыта. Внутри ничего не изменилось, и Алексей наконец до конца осознал, что ничто из вчерашнего всё-таки не было сном. Рад остался ждать на улице, чтобы не маячить, потому что счёл, что его немое присутствие ничем особенно не поможет, и, наверное, был прав, но с ним всё равно было бы как-то спокойнее... Впрочем, человек за прилавком совсем не выглядел опасным – скорее, смахивал на выходца с хрестоматийной картинки из книжки: сидящий, более чем среднего роста, зато с таким пузом, что на нём едва сходилась пёстрый жилет. Как раз кого-то такого ожидаешь увидеть, когда речь заходит о бакалейной лавке – за исключением разве что того факта, что,

несмотря на залысины у лба, на затылке у этого господина красовались кудри внушительной, аж ниже плеч, длины. Впрочем, на самом деле, Алексей сильно подозревал, что в глазах несколько... старомодно одетых местных это *он* выглядит странно в своих джинсах и куртке на молнии. Тут такого, кажется, вовсе не носят...

И в самом деле, мужчина как-то странно посмотрел на посетителя, когда тот вошёл, но вполне благодушно ответил на его пожелание доброго утра. Отлично, разговор был начат, вот дальше пошли первые опасные пороги – нужно было сказать что-то ещё, но, ради кого-нибудь, *что*? Не о погоде же речь завести! «Я прошу прощения, только не поймите меня неправильно, но вы, кажется, вчера ненароком забыли запереть свой портал в параллельное измерение, ну, там, в кладовой...» Ага. И надеяться, что тебя действительно не поймут превратно и не кликнут каких-нибудь жандармов, или городскую стражу, или кто у них тут... Эх, вот уж точно пробасть, как сказал бы вчерашний мужик...

Чтобы потянуть время, Алексей с наигранным интересом пригляделся к разной мелочи на полках. Как? Как повернуть беседу в нужную ему сторону, не вызывая подозрений и не показавшись сумасшедшим? Как вообще общаться с кем-то в среде, о которой ты не знаешь ни-че-го? Ни что можно говорить, ни чего нельзя, ни какого поведения от тебя ждут, не говоря уже о массе прочего...

Занятый напряжённой работой мысли, Алексей почти не

видел, на что смотрит, пока его взгляд не упал на сахар и конфеты в жестянке.

– Вас не донимают крысы? – вдруг осведомился он, сам не успевая толком сообразить, что несёт.

Продавец непонимающе вскинул брови.

– Крысы? – вежливо уточнил он.

Алексей мысленно отвесил себе оплеуху и спросил себя о том же самом. Крысы?! Какие к чертям крысы? Ты что, правда не мог придумать ничего получше?!..

Но, впрочем, сказанное было сказано, слово не воробей, нужно было продолжать. Из своего богатого опыта выживания на экзаменах Алексей знал, что если уж говоришь какую-нибудь глупость, самое главное – говорить её уверенно, словно она сама собой разумеется. Поэтому он небрежно пояснил:

– Ну да, крысы. Я в последнее время часто слышу, что от них житья не стало. Так что если храните там съестное, – он как бы мимоходом кивнул на знакомую, такую знакомую дверь в чулан, – лучше проверьте, нет ли где щелей.

– Там-то? – мужчина басовито рассмеялся. – Да там и пол, и стены из камня, такая кладка, что не то что крыса – муравей и тот не проползёт...

Алексею пришлось в самом буквальном смысле прикусить язык, чтобы не ляпнуть: «Я бы на вашем месте не был так уверен».

Значит, хозяин дома не в курсе. То есть нет, конечно, мо-

жет быть, он просто скрывает – окажись у Алексея в кладовке дверь в другой мир, он тоже вряд ли об этом направо и налево трубил бы. Вот только лавочник ну никак не был похож на великого лжеца, который хладнокровно врёт и не краснеет. Скорее, на человека, который единственный уверен в своей несуществующей хитрости. Внешность, конечно, бывает обманчива, и всё же...

Как бы то ни было, Алексей не рискнул продолжать расспросы – спасибо, одних только этих несчастных крыс и то было довольно, ему что-то не хотелось проверять на опыте, на что похожи местные сумасшедшие дома. Он уже развернулся было, чтобы выйти, когда продавец удивлённо выдал:

– Ого, это что, часы?

Алексей, если честно, даже не сразу понял, о чём это он. Потом дошло: ах да, те, что у него на руке. На самом деле, он даже не помнил, сколько им лет, да и выглядели они соответственно, ходили – и на том спасибо...

– Никогда не видел, чтобы так носили, – заметил мужчина, с любопытством прищурившись на вещицу. – Какая-то новая мода... И как, удобно?

Когда он немного переменял положение, у него на объёмистом животе сверкнула ныряющая в жилетный карман массивная цепочка, и Алексею всё сразу стало понятно. Кажется, то, к чему на Земле привыкли, тут было в диковинку.

– Вполне, – он пожал плечами, не зная, к чему приведёт этот разговор, зато прекрасно понимая, что часы, от греха,

потом умнее будет снять.

– Не хотите их продать? – вдруг предложил мужчина. – Сторгуемся. Любопытная штукавина...

Алексею хватило секунды, чтобы сообразить, что у них с Радом сейчас ни гроша местных денег, а рубли здесь вряд ли в ходу, и решить – да, он очень хочет.

Хозяин лавки назвал какую-то сумму, которая Алексею ни о чём не сказала, так как и в здешних ценах он пока не разобрался. Он для порядка поторговался и даже сумел добиться небольшой надбавки, но всё равно подозревал, что его обманули и он ничего не может с этим поделать. Ай, пусть его! Для первого раза это всё равно успех...

Наконец они ударили по рукам, и некоторое количество банкнот и монет сменило хозяина. Выйдя на крыльцо, Алексей, который, по правде говоря, был счастлив выбраться на свободу, показал их Раду.

– Ого, – высказался тот. – А ты осознаёшь, что у них номинал написан даже не арабскими цифрами?

– Да нет, у меня арабские вполне, – честно хмыкнул Алексей, разглядывая деньги. Да уж, если и это тоже действие волшебного медальона, то страшно подумать, на что вообще способна эта маленькая штукавина. Вон, благодаря ей и буквы на реверсе монеты с отчеканенным медведем, стоящим на задних лапах, кажутся русскими...

– Что здесь написано? – поинтересовался Рад.

Надпись, дугой бегущая вдоль края, гласила: «Сильван-

ский монетный двор».

– Сильвана... – задумчиво повторил Радомир. – Что-то с серебром?

– Скорее, с лесами, – рассеянно поправил Алексей, мельком вспомнив лекции по латыни.

Сам он думал совсем о другом, точнее, спрашивал у себя: что дальше? Если здесь у него ничего не получилось, то...

Он вдруг вспомнил площадь. Когда они проходили мимо, торговцы там открывали двери и расставляли прямо на улицах верстаки, вполне сходящие за прилавки.

– То место, где вчера была Ходынка, – сказал Алексей. – Это ведь, похоже, рынок или что-то навроде. Если торговля там идёт ничего, то наверняка будет много народу. Можно попробовать потолкаться, вдруг что услышим.

Ничего более умного ему в голову не приходило. Нет, ну в самом деле: у них не было ни жилья, ни работы, ни чёткой задачи, им не было понятно совершенно ничего и даже ещё меньше, и именно эта-то неопределённость больше всего и бесила. За разъяснениями обратиться было некуда – в любом случае, искать помощи у посторонних Алексей бы пока не решился. Нужно было что-то придумать. Какую-то видимость цели – хотя бы до тех пор, пока они не найдут настоящую и не выяснят, что же им всё-таки делать...

Судя по солнцу, сияющему от самодовольства почти прямо над головой, дело шло к полудню. Конечно, по сравнению со вчерашним днём площадь казалась полупустой, но

люда на ней всё равно было порядочно – и, кстати, Алексей окончательно убедился, что все дамы от мала до велика почему-то подстрижены выше плеч, а вот мужчины, напротив, явно пренебрегают походом в парикмахерскую, хотя многие чисто выбриты... С утра тут успели на скорую руку выстроить торговые ряды: прилавки, сооружённые из телег, ящиков и накрытых досками бочек прятались под полосатыми выгоревшими навесами – защитой то ли от солнца, то ли от внезапных осенних дождей. Торговали разным, чем обычно торгуют на рынках: одеждой, посудой, всякой мелкой безделницей, свежими овощами; где-то в бочках плескалась ещё живая рыба, из-под иных прилавков доносилось деловитое квохтание куриц в клетках.

Должно быть, в этот час хозяйки как раз выбирались из домов затариться продуктами к обеду. Они деловито приценивались, привычным движением ощупывали товар со всех сторон, чтобы уж наверняка знать, за что платят, ругались, болтали. Этого-то Алексею и было нужно. Он делал вид, что поглощён созерцанием какого-нибудь лотка с редиской, а сам, затаив дыхание, вслушивался в сплетни, которыми зеленщица обменивается с тёткой, подставившей ей корзину под картошку. Вот только всё было тщетно. Даже когда ему удавалось как следует расслышать чужие разговоры, это всё равно мало что меняло – он их не понимал, и тут медальон был бессилён помочь. Всё эти городские новости, шуточки, перемывание косточек соседям не местному ровно ни о чём

говорили...

Одно, впрочем, было более или менее ясно: в городе не происходило ничего странного. Самой обсуждаемой новостью был разве только вчерашний праздник, но и он, кажется, был делом привычным и ежегодным... И всё. Никаких драконов, злых наместников, тьмы, наступающей из гиблых земель – или что там ещё обычно случается со странами, которые попаданцам в итоге приходится спасать. Ничего! Обычная жизнь обычно шла своим обычным чередом. Этот мир не давал им ни единой зацепки.

Но ведь кто-то вчера подарил ему этот медальон, который был им так нужен. Неужели случайность?..

Рад бродили по рынку сам по себе, но Алексей иногда находил его, чтобы безнадёжно пересказать очередную порцию подслушанных глупостей. В какой-то момент он предложил:

– Слушай, не хочешь теперь ты эту штуку поносить? А то, ну, в самом деле, нечестно как-то. Да и во всех этих историях о параллельных мирах ты явно лучше меня разбираешься...

Рад задумался на минутку, а потом тряхнул светлыми волосами:

– Нет, пожалуй. Оставь себе. Его же всё-таки именно тебе дали... – он усмехнулся. – Да и, в конце концов, кто у нас филолог? У тебя же язык подвешен, вот и используй по назначению. Всё равно вроде как в разные стороны разбежаться не собираемся.

Ещё через пару часов Алексей окончательно понял, что

они впустую тратят время. Пару раз он даже решился немного поболтать с местными, в основном о погоде и о качестве репы в стоящем между ними ящике, и в итоге намертво утвердился во мнении, что как минимум в этом конкретном городе всё хорошо и герой ему не нужен.

Он махнул рукой на дальнейший шпионаж и отправился искать, где можно перехватить чего-нибудь горячего на обед – благо, деньги имелись. В людных местах кто-нибудь всегда догадывается неплохо зарабатывать, организовав доступную еду, так что они с Радом перекусили мясом с фасолью под навесом одной из палаток. После этого жизнь сразу стала казаться Алексею немножко лучше – но, увы, ненадолго, потому что он вдруг совершенно случайно увидел кое-что, заставившее его здорово занервничать. А именно – стоящую на противоположном конце площади женщину, которая шепталась с человеком, одетым в нечто, подозрительно напоминающее тёмно-красный мундир, да ещё и с мечом на поясе. Всё бы ничего, вот только взгляды обоих время от времени устремлялись не куда-то, а – Алексей был точно в этом уверен – прямо на них с Радом...

Сверкнувший на груди у красного значок окончательно прояснил ситуацию: какой-нибудь стражник, не иначе. Блеск, просто блеск.

Наверное, этого следовало ожидать. Того, что если ты, в глазах здешних одетый как шут, будешь несколько часов кряду торчать в общественном месте и мозолить глаза поря-

дочным горожанам, то на тебя рано или поздно начнут смотреть с подозрением. А если кто-то ещё и подслушал их с Радом разговор – наполовину на каком-то непонятном, а то и вовсе не существующем для них языке...

– Посмотри вон туда, – тихонько сказал Алексей, толкнув друга локтем.

Тот сощурился на совещающуюся парочку, но успел вовремя отвернуться, когда предполагаемый стражник снова взглянул в их сторону.

– Думаешь, попытается нас арестовать? – уточнил Рад вполголоса.

– Да даже если и нет! – Алексей передёрнул плечами. – Подумай сам – у нас же ни документов, ни денег, одеты непонятно как, не знаем сотню элементарных вещей, которые тут каждому ребёнку известны, ты к тому же вообще по-местному не говоришь, да и я тоже, если им хватит ума конфисковать эту штуку! Да ему достаточно спросить у нас что-нибудь – что угодно, – чтобы понять, что мы откуда-то совсем не отсюда... Потом станут разбираться и чёрт знает до чего в итоге дойдут, а мне, знаешь ли, что-то неохота на экскурсию по местным темницам...

– Да уж, – хмыкнул Рад. – А если тут есть какая-нибудь инквизиция или ещё что – и вовсе могут на костре сжечь за разговоры про магию и порталы, просто для профилактики...

Точно, об этом Алексей как-то сам и не думал. И правиль-

но делал, потому что мысль не успокаивала.

Так. В городе вы никого не знаете. И деваться вам некуда. Даже если сейчас сбежите куда-нибудь с площади, рано или поздно всё равно наткнётесь на стражу и разные неудобные вопросы...

Стараясь не паниковать, он торопливо обвёл площадь глазами, размышляя, куда можно улизнуть. Пёстрые платья, белые передники, дощатые прилавки, голуби, деловито подбирающие соринки с земли – совсем как питерские; лошади, телеги...

Его взгляд вдруг выхватил из занятой толпы пустую крытую повозку. Кажется, у её хозяина дело с утра пошло особенно бойко, и он успел распродать всё, что привёз, потому что сейчас он уже возился у оглобель, запрягая свою кобылу.

Неожиданно для него самого Алексею в голову пришла странная идея.

Им было нужно куда-то, где на них бы не так сильно пялились. Где можно было бы хоть временно слиться с пейзажем... Да, в двадцать первом веке на Земле спрятаться лучше всего получилось бы именно в городе – затеряться в толпе, где всем на тебя плевать, потому что таких, как ты, там пять миллионов... Но здесь наверняка всё иначе. В какой-нибудь деревушке должно было быть меньше стражи. А ещё осенью там наверняка хватает работы, физической, такой, какую сможет делать даже онемевший и оглохший Рад...

– Как ты относишься к дауншифтингу? – осведомился Алексей, продолжая рассматривать повозку.

Рад попытался проследить направление его взгляда.

– Что ты предлагаешь?

Алексей кивком указал на мужчину с телегой.

– Об заклад бьюсь, вон тот товарищ родом из какой-нибудь окрестной деревни, я видел, как он продавал капусту. Может быть, в сельской местности будет легче найти жильё и работу. Ненадолго наймёмся к кому-нибудь батраками, сейчас же наверняка самая страда... Заодно перестанем выглядеть так подозрительно, работники всё-таки презентабельнее бездомных.

Он говорил и сам не верил своим же ушам: он что, правда предлагает покинуть город? Отправиться прочь от места, которое хоть как-то связывало их с родным миром? Где-то глубоко внутри Алексей всё ещё помнил затверженный в детстве урок: если потеряешься, лучше оставайся на месте, так тебя скорее смогут найти...

Ага. Вот только тебе не пять лет, ты заблудился не в супермаркете, и, главное, никто не станет тебя искать.

Рад, который и так был прав слишком часто, не стал изменять себе и сегодня: Алексей смутно осознавал, что, скорее всего, на Земле просто не заметят, что он пропал, а тем, кто заметит, будет всё равно.

– Почему нет? – решил Рад. – Звучит разумно.

Алексей надеялся, что так оно и было.

Он встал и отправился договариваться с продавцом капусты.

– Добрый день, – решив, что у них нет времени ходить вокруг да около, он сразу перешёл к делу. – Простите, откуда вы?

– Из Агри, – отозвался мужчина равнодушно, но без враждебности, не отрываясь от конской упряжи. – Отсюда к югу, пути часа три будет, по хорошей-то дороге. Дождей пока не было, а то уж как зарядят, так всё...

– Здорово! – почти совсем искренне обрадовался Алексей. – Нам как раз нужно туда же! Возьмёте нас?

И, как бы невзначай, красноречиво звякнул монетами в кармане, надеясь, что этот звук отобьёт у человека желание спрашивать, зачем это им, прямо как нарочно, нужно именно туда, куда и ему. И, если уж на то пошло, кто эти «они» вообще такие... Но Алексей, кажется, зря боялся, потому что у красивой рыжей кобылы с белой вертикальной полосой на носу в умных тёмных глазах и то было больше любопытства, чем у её флегматичного возницы.

– Залезайте назад, – только и сказал тот и пожал плечами, как будто говоря: «пускай, мне не жалко!..». Даже не спросил, сколько народу к нему просится, видимо, сколько влезет – столько и ладно...

Алексей не стал тратить время на удивление. Он нашёл глазами Рада и жестом подозвал его подойти. Как раз вовремя – стражник наконец закончил совещаться с женщиной и

решительно направлялся в их сторону. Напрямую путь занял бы всего ничего, но пробраться через гомонящую толпу, которая к тому же мешала обзору, было не так-то просто, так что они успели забраться в повозку прежде, чем их остановили. Её хозяин взгромоздился на передок и тронул лошадь.

Стражник то ли не заметил, куда они делись, то ли решил, что они не настолько опасные нарушители порядка, чтобы тратить на них время. Как бы то ни было, им дали спокойно уехать.

Как быстро выяснилось, телега мало походила на автобус. Начать хотя бы с того, что, когда она мерно гроыхала по городской брусчатке, каждый толчок прекрасно ощущался через голое деревянное дно. Зато стук колёс позволял немного поговорить, не опасаясь, что возница ненароком услышит незнакомую речь.

– Что-то всё это не слишком похоже на типичную историю попаданцев, да? – сказал Алексей. Он мог бы ещё смириться с белым кроликом и фламинго вместо молотков для крикета, но щелястая повозка, пропахшая капустой, никак не укладывалась ни в какие ожидания.

– Ой, да перестань, – спокойно отмахнулся Рад. – Мы же здесь только второй день.

Если честно, Алексея уже начинала раздражать его беззаботность.

Он уже открыл было рот, чтобы сообщить, что они и так пробыли тут дольше, чем ему хотелось бы, но побеседовать

ещё им не удалось, потому что возница вырулил из города. Мостовые сменила грунтовая дорога, колёса телеги вошли в колеи и покатались по ним так плавно и беззвучно, что при желании можно было бы даже попытаться поспать. Спать Алексею, правда, не хотелось, и, чтобы чем-то себя занять, он стал смотреть на дорогу. Ничего интересного, впрочем, не увидел: позади стелилось скучное желтоватое дорожное полотно с чахлой запылённой травой по обочинам, с противоположного конца телеги виднелась спина длинноволосого возницы и лошадиный круп. Если честно, Алексей всегда немного побаивался лошадей. Они, конечно, ему нравились (как эти прекрасные зверюги вообще могут не нравиться!), но издали – подходить он обычно как-то не рисковал...

Сначала они ехали по открытой местности, мимо лугов и полей. Потом, какое-то время спустя, дорога сузилась, по обеим сторонам от неё встал осенний лес, а трава появилась и между колеями. Алексей вдруг подумал, что они даже не знают, как называется город, который они покинули. Смогут ли они потом туда вернуться, если будет нужно?..

Рад, не отрываясь, смотрел вдаль и казался глубоко погружённым в свои мысли. О чём именно он думал – оставалось только гадать.

Под конец Алексей, кажется, всё-таки задремал, убаюканный мерным покачиванием телеги и утомлённый однообразием пути. По крайней мере, когда он вздрогнул и открыл глаза, разбуженный коварной кочкой под колесом, лес кон-

чился, а солнце, заглядывающее внутрь через щели, было уже тяжёлым и низким. Уже закат; наверное, почти добрались...

И в самом деле, повозка прогромыхала по деревянному мосту через неширокую, блестящую от солнца речку, и въехала в Агри. Это оказалось вполне милое местечко, довольно крупное для деревни – в ней было аж две больших улицы, хоть и немощёных, а на их перекрёстке, само собой, находилось что-то вроде гостиницы или постоялого двора. Там-то возница высадил их и сошёл сам.

Когда Алексей осведомился, сколько они ему должны, тот только рукой махнул:

– Выпить купи, и будет.

Они вошли в дом втроём. В небольшом зале былолюдно – должно быть, местные собирались здесь после трудового дня, чтобы посудачить и пропустить стаканчик-другой, по крайней мере, кружки по столам стукали только так. Подойдя к стойке, чтобы заказать чего-нибудь съестного для себя с Радом и чего-нибудь хмельного для того, кто их подвёз, Алексей между делом спросил у бородатого хозяина, как в округе обстоят дела с работой.

– Спросишь тоже! – хмыкнул тот. – Осень на дворе, передохнуть некогда! Лишние руки точно не помешают. Да спроси у кого угодно, кто приглянется, – он кивнул на весёлый люд за столами. – Только не сейчас, они уже хряпнуть успели, не сговоришься. Вот завтра днём, как придут обедать...

Ну вот и славно. Хотя бы на время можно будет куда-то себя пристроить. Оглядеться без спешки и как следует всё обдумать...

Алексей вообще никак не мог понять, на что похож этот новый мир, куда их забросило. Отчасти все эти чудные постройки, костюмы, манеры, карманные часы наводили его на мысли о девятнадцатом веке, вот только о девятнадцатом веке в какой стране, он понять не мог. Точно ни в одной из тех, которые он знал...

Хозяин бухнул на стойку тяжёлые глиняные миски с картошкой и овощами и заметил:

– Твой приятель, похоже, не из болтливых, да?

Алексей нервно оглянулся на Рада, нашедшего им местечко на одной из скамей. Точно: кто-то из посетителей пытался завязать с ним разговор. Алексей уже успел грязно выругаться про себя, когда вдруг понял, что тот человек достаточно пьян для того, чтобы ему было всё равно, слушают его или нет – ответа он и не ждал. Но всё-таки, всё-таки – со всем этим явно придётся что-то придумать, не дело, если Рад и дальше не сможет понимать других...

– Он просто слишком умный, – сказал Алексей, даже не стараясь звучать серьёзно. – Рот открывает редко, но если уж откроет – то только держись...

Хозяин рассмеялся в ответ, а Алексей завладел тарелками и ретировался.

На втором этаже гостиницы нашлась свободная комнат-

ка, где они могли переночевать. На номер в шикарном отеле она, конечно, не смахивала, но по сравнению с сараем условия были ничего себе. Тут, по крайней мере, были настоящие кровати. Наверное, из-за них-то Алексея запоздало и дезориентировало: наполовину проснувшись посреди ночи, он был твёрдо уверен, что находится у себя в общежитии. Он даже успел внутренне высказать своё возмущение в адрес ночных гуляк, которые что-то расшумелись под окнами, и перевернуться на другой бок с намерением спать дальше, прежде чем секунд пять спустя до него дошло, что отсвет фонаря на стене как-то странно движется, словно живой. Как будто там не фонарь, а костёр, хотя, конечно, откуда-...

Алексей подскочил, будто укушенный, и сел на кровати. Никакого фонаря не было и в помине, а с улицы в комнату пробирался горький запах дыма.

Он бросился к окну посмотреть. Разбуженный Рад спросил из темноты:

– Что такое?

– Пожар! – выдохнул Алексей.

Полыхало здорово. Горел чей-то дом через две крыши от гостиницы, причём языки пламени, высоко взлетающие над кровлей, красноречиво говорили, что тушить его, кажется, уже поздно. И не только этот! Вон там, вдалеке, ведь тоже горит! У Алексея мелькнула бредовая мысль: как будто деревню нарочно подожгли с разных концов, чтобы уж наверняка...

И народ вёл себя как-то странно. Беда подняла жителей деревни на ноги, вот только никто почему-то не бросался бороться с огнём. Группы полураздетых и, очевидно, мало что понимающих людей просто метались по улице. Где-то кричали женщины и, заливаясь, лаяли собаки.

Рад, спавший одетым, изучал обстановку в окне, пока Алексей спешно натягивал штаны. Они сбежали по лестнице, пересекли пустой зал, вышли через входную дверь, незапертой болтающуюся на петлях, и очутились в царстве хаоса. Ветер переменялся и теперь нёс сюда едкий дым, и если бы только его: горящее дерево теперь трещало куда ближе – огонь перекидывался с одной постройки на другую. Чёрт побери, да почему никто ничего с этим не делает?! Почему все в ужасе носятся туда-сюда, как перепуганные дети?..

Алексею понадобилось какое-то время, чтобы осознать, что люди вокруг него не бестолково кружат на месте, а движутся в одном направлении... Как будто от чего-то спасаются бегством.

Ему не повезло оказаться прямо на пути у человеческого потока, тут же попытавшегося унести его следом. Алексей не поддался. Люди спешили, не разбирая дороги, несколько раз его ненароком чуть было не сбили с ног... а потом он наконец увидел, *чего* все так боялись.

Они появились из сплетения отсветов и сумрака, словно из ниоткуда – всадники на бешено всхрапывающих, встающих на дыбы конях. Верховые с диким криком пронеслись

по улице; лошади с подстриженными гривами вращали глазами, скалились и раздували ноздри, чуя дым, и Алексей, не успевший сообразить, что к чему, едва не попал одной из них под копыта. В самый последний момент всадник осадил коня привычной рукой; чёрный силуэт на огненном фоне пылающих зданий, он был похож на демона или на злого духа. Мир застыл: в воздухе светлячками носились искры вперемешку с серым снегом пепла, пропахший дымом воздух дышал жаром, в котором сторал чей-то дом, всё громче становились суматоха и вопли; Алексей, инстинктивно вскинувший руки, чтобы закрыть голову от удара копыта, так и застыл, не в силах двинуться с места, и только смотрел на всадника, а тот, казалось, изучал его...

Но вот на тёмном лице, отражая огненный отсвет, сверкнули узкие глаза, человек, сделал неуловимо быстрое движение, коротко взвизгнул распоротый воздух... Алексей почти успел увернуться – обжигающий удар пришёлся не по лицу, а в плечо. Схватившись за него, он ощутил на пальцах горячую липкость крови.

Боль привела его в чувство. Алексей отпрянул, не дожидаясь, пока всадник снова поднимет свой кнут, судорожно оглянулся. Они стояли на перекрёстке, и два пути из четырёх уже были перекрыты неизвестными на конях. Огонь бушевал, давая достаточно света, и теперь он смог как следует разглядеть некоторых из них. Конечно же, это были никакие не демоны, а люди. Просто люди, причём не самого высоко-

го роста и вовсе не огромные – вот только легче от этого почему-то не становились. Они так уверенно и лихо сидели в своих сёдлах, а плоские восточные лица были так свирепы, что Алексею вдруг стало по-настоящему страшно. Поминутно свистели плети, и каждому их удару эхом отвечал отчаянный человеческий крик, совсем рядом узкой и злой искривлённой молнией сверкнула сталь, и кто-то из пеших с хрипом упал под конские копыта, потом ещё один и ещё...

Это всё было словно не взаправду. Будто сцены из новостей, которые диктор называет «шокирующими кадрами» и просит убрать детей от экрана.

Алексей отчаянно искал глазами Рада и, кажется, разглядел там, дальше по улице – вот только секунду, полсекунды спустя конные загородили и её, отрезая предпоследнюю возможность бегства. Алексей скрипнул зубами и, больше не тратя времени на ненужные размышления, бросился к последнему незакрытому проходу – а что ещё ему оставалось? Ничего, Рад ведь не попал в окружение этих – этих – кем бы они ни были, да и постоять за себя он умеет, надо будет просто найти его там, куда все бегут...

Алексей нырнул в спасительную улицу, проскочив прямо перед грудью одной из лошадей и чудом избежав мелькнувшей перед самым лицом сабли, и тут же вновь угодил в людскую реку. На сей раз ему хватило ума не сопротивляться, потому что ведь должны же были местные знать, куда бегут – если уж все в одну сторону, значит, там убежище, путь к

отступлению, спасение... Их подгонял доносящийся сзади цокот копыт, гиканье неведомых врагов отдавалось в дымной, пахнувшей гарью ночи криками хищных птиц. Ох, чёрт побери, да что же здесь творится?! Алексей в который раз уже спросил себя, точно ли он не спит, вот только во сне тебя так не теснили бы бегущие рядом и не саднила бы глубоко рассечённая кожа на плече...

Когда человеческая масса выплеснулась из деревни на окружающий её пустырь, шум за спиной вроде как затих – кажется, они на минутку оторвались. Однако никто и не думал останавливаться до тех пор, пока народ не пересёк мост – к счастью, обошлось без давки – и наконец не достиг опушки леса, начинающегося в паре сотен метров за рекой. Здесь, под сенью первых сосен, Алексей вдруг очень ясно понял, что иссяк. В боку немилосердно кололо, лёгкие пылали, и ему волей-неволей пришлось остановиться. Согнувшись, он опёрся руками на колени, пытаясь отдышаться, и только какое-то время спустя пришёл в себя настолько, чтобы заметить, что и все остальные тоже больше никуда не спешат. Кто-то, утомлённый бегом, с размаху садился на землю или прислонялся к стволам деревьев, кто-то, разыскивая семью или знакомых, выкрикивал их имена. С одной стороны вдруг донёсся залиvistый здоровый детский плач, с другой – всхлипывающий женский, но в целом никто не паниковал и не метался.

Алексей удивился бы, если бы не был так встревожен.

Отсюда, с другого берега реки, открывался прекрасный вид на гигантский пожар. Пока горела ещё не вся деревня, но жизнерадостный прохладный ветер обещал, что это только вопрос времени. Чудовищных размеров дымный столб уходил в подсвеченное рыжим заревом небо, скрывая луны.

Пустырь между водой и лесом был безлюден и тих. Алексей ждал, что на него вот-вот вылетят всадники, но те почему-то медлили. Бросили погоню? Или, может, задержались посмотреть, нет ли в брошенных домах чего ценного, но это их надолго не задержит...

– Надо уходить! – сказал Алексей вслух всем вокруг и никому в особенности. – Только сначала мост обрушить, чтобы они-...

– Ты не местный, да? – перебил какой-то случившийся рядом мужчина с внушительной бородой.

– Нет, – сказал Алексей и вдруг почувствовал себя до тошноты беспомощным. – Совсем не местный, если честно. А что это меняет?

– Они не пойдут дальше, – даже как-то спокойно пояснил бородач. – Так привыкли к своим степям, что лесов боятся. Ненавидят, когда у них над головой что-нибудь, кроме неба... Так что переждём здесь, а к утру они сами уйдут. Они такие: появляются, как ветром принесло, и исчезают так же, глазом моргнуть не успеешь. Да и чего им оставаться, им ведь зёмли без надобности...

– Так это не захватчики? – уточнил Алексей. – Пограбят

и отступят?

– Они не ради грабежа пришли, – хмуро хмыкнул кто-то третий. – Кочевникам лишний скарб ни к чему, да у нас и взять-то нечего...

Алексей совершенно перестал понимать ситуацию.

– Что же им тогда нужно?

– Невольники, – припечатал бородач.

– Ага, – кивнул хмурый. – Кто остался в деревне, всех уведут, кого не убили. Да это, считай, всё равно что убили бы – всё одно теперь их больше не увидит никто...

Алексей вдруг почувствовал, как его сердце мучительно сжалось и подпрыгнуло к самому горлу. Рад!..

Он усилием воли заставил себя не отчаиваться раньше времени. Друг наверняка где-то здесь, в этой толпе, рассыпавшейся по лесной опушке. Куда же он денется? Просто искать его в этой темноте бесполезно, надо хотя бы дождаться утра, а там всё сразу станет понятнее и проще, обязано стать...

Им всем не оставалось ничего иного – только ждать рассвета.

Мужчины принялись стаскивать дрова, чтобы развести костёр. Алексей тоже поучаствовал – занимаясь делом, лучше получалось не думать, к тому же так можно было согреться. Он присматривался к людям – да, некоторые, конечно, были напуганы и расстроены, но немалая часть казалась банально разозлённой. То там, то сям слышалось досад-

ливое: «...проклятые степняки!..», «... только забор новый поставил...», «... управы на них нет! Почему Клавдий давно не...», «... эх, а какие в этом году груши были бы!..», и только редкие жители погибшей Агри плакали. Может быть, те, кто точно понял, что оставил кого-то важного там, в лапах степняков и, считай, уже в рабских оковах... Впрочем, как знать – может, женщины просто голосили по пропавшему добру. И тоже имели право: всё честно нажитое и вот так вот коту под хвост – наверняка тоже несладко...

Если бы у Алексея тоже были дом, забор и груши, он, не колеблясь, отдал бы всё – лишь бы нашлось самое-самое, потерявшееся в этой жуткой ночи.

Ох, Рад, Радомир, да где же ты, чёрт бы тебя побрал...

Костёр скоро запылал, и вокруг него рассадили женщин и детей. Алексей устало уселся на землю чуть поодаль, чтобы не вытеснять никого с тёплых мест. Университетские пары по физкультуре не готовили его к кроссам наперегонки с лошадьми и тасканию здоровенных коряг. Да и это дурацкое плечо нет-нет да и снова принималось кровоточить – ясное дело, что от такого не умирают и даже в обмороки не падают, но раздражало здорово. Он осмотрел порез: рассечены два слоя одежды и кожа под ними. Тоже, наверное, уметь надо...

Он почувствовал на себе чей-то взгляд, поднял голову и осознал, что молодая женщина, которая только что с чувством и экспрессией плакала рядышком, качая на коленях младенца, отвлеклась от своих важных дел и пристально его

разглядывает.

– Ну-ка поддержи, – велела она сидящей подле девушке ещё моложе, довольно небрежно сунув ей ребёнка, в качестве заключительного аккорда шмыгнула носом и, деловым движением вытерев глаза, подсела к Алексею.

– Рукав спусти.

Он подчинился и даже оглянуться не успел, как она ловко и умело перевязала порез добытым откуда-то лоскутком чистой ткани.

– Спасибо, – сказал Алексей. Женщина кивнула в ответ и забрала ребёнка назад. Его нянька заметила взгляд незнакомого парня и, вспыхнув, прижала колени к груди. Алексей только сейчас осознал, что, в спешке поднятая с постели, она была в одной только длинной рубашке, и торопливо отвернулся, чтобы её не смущать.

Он даже не мог сказать, который на дворе час. Небо, кажется, уже начало светлеть с одного края; предрассветный холод усиливался, и разбредшийся по лесу народ стал стекаться к костру, чтобы погреться у огня и друг об друга. Кто-то искал мать потерявшейся маленькой девочки, кто-то случайно сталкивался со знакомыми и заводил беседы за жизнь, кто-то дремал, склонившись на плечо сидящему рядом...

Рад так и не появился.

Никто из них не видел, как степняки покидали деревню: они ушли с другого её конца. Когда вставшее над макушками елей солнце осветило лишь чудом не падающие остовы вы-

горевших домов, Агри была такой пустынной и мёртво тихой, что сразу становилось до ужаса ясно: в ней больше никого нет.

Назад шли медленно и безмолвно, младенцы у взрослых на руках и те умолкли, словно всё понимали. Да что там дети – даже ветер притих, лишь чуть заметно шевелил пепел, серыми лепестками усеявший землю...

Пара домов, стоящих на отшибе, каким-то чудом уцелела, и тех, кому больше всего нужна была крыша над головой, пока разместили там. Люди разбредались кто куда: часть отправилась смотреть, что осталось от их дворов, часть отыскивала на улицах убитых и сносила их всех в одно место, на тот самый перекрёсток двух больших улиц, видимо, за неимением собственной площади служивший тут местом сборов...

Алексей заставил себя пойти посмотреть на мёртвых. У него толком не получилось, потому что даже от беглого взгляда издали у него закружилась голова – почти смешно, дожил до двадцати лет и ни разу до сего дня не видел трупов, – но самое главное он уяснил: Рада среди них не было. Его могучую фигуру и густую гриву светлых волос он узнал бы из тысячи...

С одной стороны, это было хорошей новостью. Просто прекрасной.

С другой – очень хотелось завывать.

«Всё одно теперь их больше не увидит никто...»

Это не укладывалось в голове. Что всё вот это случилось

с ними – с Радом, который только вчера смеялся, болтал о фэнтези и ждал от их приключения чего-то хорошего...

Деревенские копошились в том, что осталось от их садов с листьями, свернувшимися в трубочки от жара, обсуждали, как быть дальше, кто-то в голос, навзрыд плакал около лежащих рядом убитых. Алексей стоял посреди всего этого, не принадлежащий к этому месту и этому миру, одинокий, как ещё никогда раньше. Никто не заговаривал с ним, не смотрел на него, его вообще не замечали, как будто он вдруг стал деревом или обгоревшим столбом у ворот: у всех были дела поважнее, и чужак перестал для них существовать. Вокруг скелетами чудовищ дыбились чёрные останки стен и кровель, ветер поднимал вихри пепла, стелящиеся по земле, как позёмка, тенькала где-то беззаботная пичуга, у которой никто не умер и никто не пропал...

Тогда Алексей просто развернулся и ушёл.

Прошёл опустошёнными проулками, пересёк вытоптаный ночью пустырь и уже такой знакомый мост, толком не зная, куда идёт и почему так решил. Кажется, просто потому, что оставаться там, где был, он не мог. Совсем не мог, больше ни минуты, ни мгновения. Было нестерпимо смотреть на горе и ничего не мочь поделать, потому что оно чужое, потому что ты сам – чужой.

Алексей никогда не считал Петербург своим домом, если считать, что дом – это нечто большее, чем место, где ты спишь и ешь, но теперь ему как никогда нестерпимо хотелось

обратно. В Питер, на скучные пары в универ, в общагу, населённую тараканами и противными соседями. Чтобы всё это оказалось сном, чтобы он проснулся, понял, что безнадёжно проспал, и можно было бы позвонить Раду и удивить его совершенно беспочвенным вопросом, всё ли у него хорошо...

Он понятия не имел, что он будет делать дальше. Ни малейшего представления. Что он вообще *мог* сделать? В чём теперь ещё оставался смысл? Он остался посреди чужого мира, один – теперь один, – без денег, без плана. По сути, всё, что у него было – это местный язык, и разумом как филолог он понимал, что это вообще-то ого-го как много, но...

Рад ведь даже не может разговаривать с местными.

Алексей скрипнул зубами и силой заставил себя думать о чём-то другом. Например, о ближайшем будущем, таком же туманном, как утро в лесу...

Сам не заметив, как, он вышел на просёлок, по которому они ехали вчера, всего несколько часов и целую вечность назад. Ладно, почему бы и нет? Эта дорога сейчас казалась ничем не лучше и не хуже любой другой, и Алексей зашагал по ней. Это было всё, что он сейчас смог придумать – довериться тропе и, как в сказках, отправиться искать счастья...

Он не знал, когда доберётся до города, да и доберётся ли вообще – не исключено, что, сам того не заметив, он где-нибудь свернул в сторону. Его мысли блуждали, и телу тоже не оставалось ничего иного, как блуждать. Утренний туман таял и отползал глубже в чашу, забирая с собой тени...

Алексей очнулся только тогда, когда до него донёлся запах дыма.

Картины прошедшей ночи вспыхнули с новой силой, как раздутые угли, заставив его вздрогнуть и сделать шаг назад, прежде чем он осознал, что этот дым был другим, прирученным и домашним. Он пах не горечью, а уютom сухих дров в очаге... Деревенской баней или буржуйкой на даче. У мамы была дача. Пока Алексей жил дома, он регулярно ездил туда окучивать, сажать и полоть – не потому, что «своя» картошка казалась ему лучше покупной, просто потому, что для мамы это было важно, а отец отказывался помогать...

Сойдя с дороги в пружинящий под ногами черничник, он двинулся на запах и вскоре вышел к срубленной из бревён избушке с двускатной крышей. На разохшемся крыльце сидел седовласый старик, занятый починкой какой-то угрожающей штуковины, напоминающей капкан. Ну, а кому ещё жить в лесу – охотник, наверное...

Даже если и нет, Алексей уж точно не был грациозным оленем, и, заслышав его хрустящие веточками шаги, человек поднял голову. Какое-то время они молча созерцали друг друга, после чего старик бросил возиться с капканом, отложил его и встал.

– Кто это тебя так? – сухо спросил он без всяких предисловий, кивая на окровавленную одежду незваного гостя.

– Степняки, – это словечко за ночь успело впечататься так глубоко, что соскользнуло с губ само.

Старик нахмурился, так что морщин у него на лице стало ещё больше.

– Откуда идёшь? – осведомился он.

– Из Агри...

– Неужели уже и дотуда доходят? – пробормотал лесной житель себе под нос. – Совсем всякий страх потеряли, когда я помоложе был, такого не бывало... Вон как обнаглели! И ведь жаловались городским, столько раз просили помочь разобраться, да те и в ус не дуют: к нам, мол, по лесам не поскочут, а вы сами по себе, вертитесь, как хотите...

Он говорил и ещё что-то, но Алексей, если честно, не расслышал. Он вдруг осознал, что вымотан настолько, что у него звенит в ушах. Ох, ну, падать на толстый ковёр хвои и заросли глянцевиной брусники, наверное, хотя бы не слишком твёрдо...

Старик, кажется, заметил что-то по его лицу, потому что вдруг замолчал, прищурившись, всмотрелся в пришельца и постановил:

– Знаешь что, иди-ка ты в дом.

Алексей подчинился. Наверное, не стоило так легко и быстро доверяться человеку, которого ты видишь впервые в жизни, но он слишком устал, чтобы об этом думать. Когда ему без лишних слов указали на лежанку, он, кажется, выключился ещё до того, как его голова коснулась подушки.

...Когда он вернулся откуда-то из темноты без снов и открыл глаза, за маленьким окошком под самой кровлей уже

сгущались вечерние тени. Алексей глубоко вздохнул и сел. Плечо всё ещё напоминало о себе, но он почти этого не чувствовал – душа ныла куда сильнее.

– Ты как, цел? – спросил сидящий у стола хозяин. – Кровь твоя?

Алексей провёл рукой по лицу, отбрасывая со лба волосы. Мелькнула и погасла мысль: если у мужчин здесь мода на длинные шевелюры, может, и к лучшему, что у него руки никак не доходили подстричься...

– Ничего, – сказал он. – Порядок.

Старик поднялся, чтобы помешать в греющемся на печке чугуне. Пахло оттуда вкусно.

– Ты сам откуда? – поинтересовался он. – Из Агри?

Алексей прикусил губу, сдерживая невесёлый смешок.

– Да нет, – сказал он. – Издалека.

– Так чего тогда такой смурной? Чужая деревня – чужие печали, не бери в голову. Сам ушёл подобра-поздорову – и на том спасибо...

– Я-то ушёл... – вздохнул Алексей.

Договаривать не пришлось, и старик больше не задавал вопросов – только посмотрел на гостя долгим и очень внимательным взглядом...

– Садись, ужинать будем, – пригласил он наконец, отвернувшись.

Суп был прекрасен – хотя, может быть, Алексей просто проголодался настолько, что сейчас что угодно показалось

бы ему пищей богов. Да уж, пока всё и в самом деле складывалось по каким-то сказочным законам, вот только баба-яга, которая должна героя напоить, накормить и спать уложить, попалась в мужском варианте... Наверное, ему стоило бы удивиться столь беспричинному гостеприимству, но, в конце концов, нельзя же ждать от окружающих только плохого. Для этого Алексей слишком часто в самых неожиданных местах сталкивался с тем, что люди помогают друг другу – даже если не обязаны, даже если друг друга не знают, просто так...

За едой они разговорились о всяком разном. Старик и впрямь оказался охотником. Он жил тут один – раньше бродил по лесам на пару с сыном, но парень, немногим старше Алексея, в поисках места под солнцем перебрался в город. Отец говорил об отпрыске с кажущимся равнодушием и прерзительно клеймил его «дурнем», но если прислушаться хорошенько, можно было отчётливо различить, как старик им гордится. Алексей едва смог подавить неуместную улыбку: слишком уж старик смахивал на иных гордых родительниц из его родного захолустья, со значительным видом вещающих о своих умницах-детках, уехавших учиться в столицы...

О себе Алексей в основном молчал, да и хозяин, спасибо ему, не лез ни в чужую душу, ни в чужие дела. Спросил только:

- Звать-то тебя хоть как?
- Алексей.
- Ну, Лексий, будем знакомы...

И Алексею было как-то неловко его поправлять. Ну, ладно, как расслышал, так расслышал. Пускай.

О степняках хозяин мог порассказать немало.

– С проклятыми кочевниками нужно что-то решать! – разгорячившись, говорил он. – Чтоб их пропасть взяла, я-то у себя в лесу и в ус не дую, но народу на лугах ведь совсем жизни не дают! Никак не уразумею, почему его величество давно уж не приказал своим волшебникам взяться и-...

– Волшебникам? – перебил Алексей, не подумав. Перебивать было столь же невежливо, сколь подозрительно, но это слово слишком отчётливо щёлкнуло у него в голове. Волшебники! Ох, неведомая Айду – ведь это, кажется, к ней в этом мире апеллируют, если нужно патетически обратиться ко вселенной? – если кто-то и сможет вернуть его обратно на Землю, то кто ещё, если не они?!..

– У вас тут что, волшебники есть? – уточнил он пересохшими вдруг губами.

Охотник одарил его каким-то странным взглядом.

– Ты что, оттиец, что ли? – хмыкнул он, но всё же объяснил:

– У нас-то тут нет, многовато чести. Сидят в столице в своих библиотеках, но если уж где беда – приходят и помогают... – и мрачновато добавил, – Если его величество прикажет, конечно, а то у него, кажется, столько дел, что не до нас...

– А далеко отсюда до столицы? – поспешно осведомился

Алексей, пока его собеседник не успел вновь углубиться в привычное ворчание о здешнем «его величестве» – получается, у них тут монархия, надо запомнить...

– Два дня, если с почтой. На третий доедешь.

Когда Алексей спросил, как добраться до ближайшей почтовой станции, хозяин вызвался его проводить. Пояснил: дорогами придётся дать здорового крюка, лесом куда быстрее, а один гость там заблудится. Гость завёл было речь о плате, но старик отверг предложенные деньги:

– Оставь себе, ещё пригодятся на билет. Наколешь мне завтра дров – квиты будем.

Ну да, наверное, если живёшь вдали от людей в компании ёлок и белок, от хорошей поленницы пользы и впрямь куда больше, чем от бестолковых монет.

Алексей решил воздержаться от дальнейших вопросов, чтобы о нём не подумали что-нибудь не то, но охотник то ли не заметил странностей постояльца, то ли сделал вид, что не замечает. По крайней мере, он не только не выгнал его из дому от греха подальше, но даже устроил на ночь на лавке. Надо будет спросить у него с утра, нет ли ещё какой работы, потому что Алексей как-то почувствовал, что одной колки дров в качестве благодарности за всё хорошее будет явно недостаточно...

Волшебники в столице. Как же это меняло дело. Хоть что-то во всей этой истории наконец начало походить на любимые книги Рада... Впереди замаячил свет, и от этого уже

становилось легче, хотя Алексей не брался даже гадать, что ждёт его впереди. На что похожа эта самая здешняя столица, что скажут ему волшебники – да, в конце концов, удастся ли ему вообще с ними встретиться...

Он битый час ломал над всем этим голову, пока наконец не понял, что утро вечера мудренее, и попытаться отдохнуть сейчас будет куда разумнее, чем продолжать переживать впустую.

Когда он засыпал, две странных здешних луны – юный растущий месяц и его старшая сестра, идущая на ущерб – с любопытством заглядывали прямо в окно, и, кажется, он видел их и во сне тоже.

Глава третья: Медвежий угол

Незнакомый мир продолжал радовать новым опытом. Раньше Алексей наивно полагал, что после поездок по необъятным русским просторам в плацкарте по летней жаре никакое путешествие уже не сможет его удивить, но почтовая карета показала ему, как он неправ.

Удивительное дело, но Алексей выяснил, что не забыл, как колоть дрова, хотя не выбирался за город последние лет пять – коротенькие вылазки на шашлыки не считаются. Наверное, это как кататься на велосипеде – если раз научишься, то потом руки сами вспомнят... Над предложенной ему грудой полешек пришлось попотеть, но Алексей добросовестно отработал свой постой, хотя это и стоило ему мозолей от топора на ладонях. Да уж, господин филолух-интеллигент, что-то уж больно вы далеки от земли и от реальной жизни...

Старик не только сдержал своё слово и какими-то одному ему ведомыми лесными тропами довёл его до ближайшего населённого пункта, но ещё и пожертвовал гостю рубашку сына взамен старой, залитой кровью. Дорога заняла часа четыре – может быть, получилось бы и быстрее, не будь у бывалого лесного жителя спутника-горожанина, который не привык пробираться через подлесок и бездорожье...

Когда они добрались до места, Алексей выяснил, что судьба к нему благосклонна: дилижанс, который ходил отсюда в

столицу раз в несколько дней, отправлялся как раз завтра с утра. Прощаясь, он от всего сердца поблагодарил охотника за его помощь, а тот, в свою очередь, пожелал «Лексию» счастливого пути. Алексей гадал, заподозрил ли старик что-нибудь или просто счёл его парнем со странностями. На третий день в чужом мире землянин всё ещё чувствовал себя здесь ох как не на месте, но самым противным было стойкое чувство, будто все остальные тоже сразу это замечают. Ну, перестань, выдохни и не думай об этом, сам ведь знаешь, чем усерднее пытаешься вести себя естественно, тем хуже это получается...

Он отправлялся в путь налегке – рюкзак остался там, в Агри и, вероятно, погиб в огне, унеся вместе с собой кошелёк, мобильник, студенческий билет... Ну и ладно, он проверял, сеть с Земли сюда всё равно не добивала, а местные деньги Алексей, к счастью, позавчера сунул не в сумку, а в карман, так что на билет ему хватило. Кассир напутствовал: так как господин пассажир едет до самого Урсула, то имеет право занять место внутри кареты. Ремарка уже сама по себе была многообещающей.

Он переночевал прямо в почтовой конторе – почему-то никто его не выгнал, да она, похоже, и не закрывалась на ночь. Зал был пуст, если не считать одного дежурного служащего, дремлющего за прилавком, и, чтобы скоротать время, Алексей взялся изучать попавшиеся ему в руки газеты. Самая свежая была датирована третьим днём второй декады

осени. У них и календарь не как у людей...

Он листал желтоватые страницы, толком не стараясь вникнуть в то, что на них написано. «...на продажу предлагается прекрасный дом с садом...» «... состояние дорог просто возмутительно, поэтому я спешу сообщить...» «... двадцать второй день рождения её высочества царевны Амалии...» – так, значит, этот «его высочество» – царь... Последние новости из каких-то Оттии и Пантея, которые ровно ни о чём ему не говорили, занимали целых два разворота, наверное, эти названия тоже стоило запомнить...

В конце концов он понял, что это всё слишком сложное чтение для глухой ночи, отложил газету и попытался поспать. Получилось так себе, да и ощущения были забавные – как будто ты бездомный и ночуешь на вокзале – хотя, стойте, почему это «как будто?». Ладно, ничего – Алексей надеялся, что у него будет шанс урвать немного сна в карете. Ну, то есть досыпал же он иногда в автобусе по дороге на занятия...

Ему не следовало забывать, что жизнь находит какое-то жестокое удовольствие в разрушении человеческих надежд.

На рассвете они загрузились в подогнанный к дверям почты дилижанс. Мест в нём было шесть, по три друг напротив друга, и кроме Алексея на них разместились двое мужчин, женщина помоложе с неугомонным ребёнком лет пяти и пожилая дама, тут же занявшаяся вязанием. Ещё какое-то количество народу устроилось снаружи: у кареты имелись сидения сзади и на крыше. Кучер взгромоздился на облучок,

там же к нему присоединился внушительный хмурый тип с дубинкой – мало ли, что может случиться на большой дороге, без охраны никак! – и путешествие началось.

Вопреки всем ожиданиям, главной опасностью оказался не мальчишка, хотя он чересчур активно болтал не достающими до пола ногами и беспрестанно донимал мать – или сестру, или няню, или кем она там ему была – беспрестанными вопросами про всё, что видел за окном. Нет, от его щебетания Алексей вполне мог отрешиться. Но стоило ему пристроиться в своём углу и закрыть глаза, как едущие с ними мужчины затеяли сначала сдержанную перепалку, довольно скоро ставшую решительно нестерпимой. Из их собственных обвинительных речей стало понятно, что это соседи, едущие в столицу искать справедливости по поводу многолетней тяжбы из-за какого-то куста или оврага, который ещё их отцы поделить не смогли. Да уж, судя по всему, поездка обещала быть весёлой...

К всеобщему счастью, уже пару часов спустя спорщики выбились из сил и последующие двое суток только смотрели друг на друга волком да огрызались, когда случался повод. В целом обошлось без приключений – ну, если не считать того, что ребёнок дамы напротив исправно терялся по несколько раз на дню, когда они останавливались, чтобы поменять лошадей, а женщина преклонных лет, закончившая один чулок и принявшаяся за второй, кажется, пыталась заигрывать с Алексеем (он искренне надеялся, что просто неправильно

её понял). Ночи они проводили в гостиницах, дни встречали в дороге; кучер обменивался мешками писем с почтмейстерами городов, через котрые лежал их путь, пассажиры с крыши и задних сидений сходили на своих станциях, уступая места новым... Дамы внутри дилижанса быстро нашли общий язык и увлечённо обсуждали свадьбы, платья и детские болячки, ребёнок скучал и ныл от слишком долгого сидения на месте, мужчины тихонько друг друга ненавидели, а Алексей наслаждался видами провинциальной Сильваны. Да, ландшафты не поражали драматизмом, здесь не было ни гор, ни каких-нибудь фьордов, но скромные поля, озёра и рощи тоже смотрелись вполне симпатично, особенно по осени. Везде кипели жизнь и работа, везде, пользуясь благоволением погоды, собирали урожай, с призывными кличами проносились клинья перелётных птиц...

Чем ближе они подбирались к столице, тем более урбанистическими становились виды – крупнели города, их жители щеголяли всё более изысканными и изошрёнными нарядами. Железной дороги Алексей по пути не наблюдал, крупных заводов или чего-то подобного – тоже. Вот интересно всё-таки, на какой стадии развития здесь техника и прочие блага цивилизации? Электричества, похоже, нет, по крайней мере, фонари на улицах были газовые, он нарочно к ним приотрелся, а постоянные дворы, где они ночевали, располагали лишь примитивным подобием водопровода. Спасибо хоть вообще помыться можно было, а то Алексей, уже несколько

дней как не бритый, чего доброго, вообще утратил бы человеческий облик ...

Как и обещал охотник, они въехали в Урсул под вечер третьего дня. Тихие пригороды остались позади, и, с неожиданной робостью провинциала наблюдая людные столичные улицы из окна, Алексей вдруг подумал: а ведь она похожа на Питер. Чем-то неуловимым – в фасадах домов, в мостах через каналы, в площадях, по брусчатке которых дилижанс плавно постукивал на своих рессорах... Впрочем, может быть, виной были усталось от дороги и вечерний сумрак, и он просто видел то, что хотел видеть?..

Алексей так залюбовался городом, что сам толком не заметил, как в полном одиночестве остался стоять перед крыльцом городского почтамта. Дилижанс разгрузился и исчез, приехавшие на нём разошлись, а Алексей понял две вещи: а) он добрался до цели; б) он понятия не имеет, что дальше.

Ещё не стемнело, хотя уже собиралось. Здание почтамта возвышалось над всеми, кому не повезло оказаться рядом. У него это вообще здорово получалось – возвышаться, оно было ужас какое внушительное, с колоннами и медвежьим сильванским гербом, но ни на какие умные мысли не навело...

– Эй, господин!

Алексей вздрогнул дважды – сначала от неожиданности, затем ещё и потому, что человек, окликнувший его, был одет

в знакомую ему красную форму стражника. Он внутренне взял себя в руки и заранее приготовился врать до конца, но стражем порядка, похоже, двигало отнюдь не желание упрятать одного странно одетого парня за решётку.

– Помощь не нужна? – заботливо осведомился он. Это был мужчина лет пятидесяти – если честно, не такой уж и грозный. – А то я смотрю, вы тут уже долго стоите, приезжий, наверное... Не потерялись?

Этот последний вопрос отдавал привкусом вселенской иронии, но Алексей серьёзно задумался. Охотник говорил о здешних магах так, словно они никакая не тайна, к тому же упомянул, что ими командует царь – значит, они вообще официальная организация... Насколько странно будет, если он просто возьмёт и..?

Алексей решил, набрал воздуха в грудь и заявил:

– Мне нужно попасть к волшебникам.

Какую-то долю секунды он с замиранием сердца вглядывался в усатую физиономию стражника, пытаясь предугадать его реакцию; потом лицо мужчины озарил свет внезапного понимания.

– А-а, – выдал он, явно довольный своей догадкой, – так вы, наверное, учиться приехали?

Учиться? Так, а вот это уже очень интересно.

Этот стражник даже не подозревал, какую услугу он только что оказал. До этой минуты единственным планом, который Алексей вообще смог придумать, было прийти к ко-

му-нибудь из здешних магов и прямым текстом сказать: здравствуйте, я из параллельного мира, если можно, пожалуйста, отправьте меня обратно. Самой большой проблемой этой затеи был тот факт, что он понятия не имел, были ли подобные перемещения обычным делом. Поди угадай, ответят тебе «ой, да, простите за недоразумение, сейчас всё будет» или окрестят сумасшедшим – со всеми возможными последствиями... А что, например, если пришельцев они просто-напросто не любят?

И тут бросаться в омут с головой вдруг стало не обязательно. Алексею хватило одного удара сердца, чтобы сообразить: ученики обычно имеют право пользоваться библиотеками и задавать вопросы. Можно прощупать почву, прежде чем идти на риск.

– Да, – твёрдо сказал он. – Именно так.

И тут же задался вопросом, правильный ли он выбрал вариант ответа, потому что во взгляде собеседника промелькнуло что-то вроде искреннего сочувствия – будто тот сожалел, что нового знакомого отправляют куда-то в неприятное или опасное место. Но это выражение мелькнуло и исчезло, а стражник задумчиво подкрутил усы и начал подробный инструктаж.

– Значит, вот что, – заявил он. – Видите во-он там башню? – и он, повернувшись, рукой на высоченное строение, действительно поднимающееся над крышами у него за левым плечом. – Вот вам ориентир. В ней астрономы, вам не к

ним, но там рядышком, увидите – здоровенный дом из красного кирпича, у него ещё ограда такая знатная... Мимо не пройдёте.

Не отрывая взгляда от башни, Алексей повторил про себя, чтобы запомнить: красный кирпич, знатная ограда. Ладно. Хорошо. Это было уже кое-что. Пока что сюжет продвигался...

– Спасибо, – сказал он.

Стражник привычным жестом коснулся значка и усмехнулся:

– Надеюсь, по службе нам с вами больше дела иметь не придётся!

Алексей улыбкой поблагодарил его за неуклюжую шутку и отправился блуждать по урскульским улицам. Хорошо хоть башня астрономов, явно пытающаяся дотянуться прямым до самых звёзд, была такой высоченной, что потерять её из виду получилось бы только очень постаравшись – она, наверное, была видна отовсюду в городе...

Шагая по тротуару и каждый раз на всякий случай сторонясь, когда мимо громыхал запряжённый лошадьми экипаж, Алексей то и дело поднимал голову свериться со своим ориентиром и гадал, что ждёт его в конечном пункте. Что там кто говорил про потерявшееся в дороге письмо из Хогвартса?.. Учиться на волшебника – звучит, конечно, сильно. Неужели и это может быть правдой? Впрочем, даже если может, с чего он вообще взял, что его примут? Должны

же там быть вступительные испытания, и к тому же, во всех этих фильмах для занятий магией нужен врождённый дар, которого у него, конечно же, не имеется...

Он наконец выбрался к астрономической башне, и в двух шагах от неё действительно начинался парк, за кованой оградой которого стеной возвышались могучие тополя. Ворота не были заперты, а недлинная аллея за ними вела напрямик к красному двухэтажному зданию, невысокому, но длинному, с двумя флигелями по бокам. Архитектурный ансамбль и впрямь выглядел весьма недурно, вот только из всех его многочисленных окон горели всего три или четыре, так что Алексей даже засомневался, не слишком ли поздно он явился. С другой стороны, разные магазины и рестораны, которые он миновал по пути, ещё и не собирались закрываться, так что он преодолел невольную робость и направился к крыльцу. Нет, в самом деле, не разворачиваться ведь сейчас обратно...

Алексей не успел не то что постучать, но даже подняться на крыльцо, когда дверь уже открылась ему навстречу. Фигура, появившаяся на пороге, по всей видимости, принадлежала местному дворецкому.

– Чем могу служить? – учтиво осведомился тот, и в его тоне вроде как не звучало вежливое намерение дать посетителю от ворот поворот. Это несколько обнадёживало.

Алексей подавил желание облизать губы и, стараясь казаться спокойным, сказал:

– Я хотел бы стать волшебником. С кем я могу об этом поговорить?

С психиатром, приятель, с психиатром! Ты только послушай себя со стороны! Что ты вообще несёшь?

Но дворецкий, как ни странно, спокойно кивнул и отступил с дороги.

– Пожалуйста, проходите. Я о вас доложу.

Входя в незнакомый чужой дом, Алексей уже почти не удивлялся тому, какие чудные в этом мире порядки.

Его оставили одного на какое-то время – достаточное для того, чтобы полюбоваться на панели из прекрасного тёмного дерева, которыми были обшиты стены, и украшающие их марины в тяжёлых рамах. Чувство того, что он, в джинсах, лохматый и без гроша в кармане, как-то не слишком вписывается в обстановку, уже приближалось к критической отметке, когда дворецкий – очень вовремя – вернулся и пригласил:

– Прошу, следуйте за мной.

Он провёл гостя по слабо освещённым коридорам и по длинной галерее, упирающейся в двустворчатую высокую дверь, за которой...

Алексей ещё с порога узнал этот запах – запах книжной пыли. Это была библиотека – огромная библиотека. Свет был потушен, горели только две лампы на массивном письменном столе недалеко от двери, и от этого дальний конец комнаты терялся в полумраке. Алексей не смог разом охватить взглядом все стоящие тут книжные шкафы, но почув-

ствовал, что если он перелопатит их *все*, то найдёт в них не то что секрет перемещения между мирами, но, наверное, и какой-нибудь рецепт вечной жизни...

За столом восседал седовласый мужчина преклонных лет со строгим лицом профессора, который на экзамене выматывает из тебя всю душу, прежде чем расщедритя хотя бы на троечку; другой, помоложе, стоял рядом. Этот с виду был всего лет на десять, край – на пятнадцать старше Алексея и почему-то таким же небритым, зато это была первая встреча им в этом мире особь мужского пола с нормальной короткой стрижкой. Когда посетитель вошёл, молодой закрыл книгу, которую держал в руках, и без всяких «здравствуйте» или «добрый вечер», в лоб, осведомился:

– Что знаешь о магии?

Алексей так опешил, что аж сказал правду.

– Ничего, – признался он.

– Ну и хорошо, – небритый отложил книгу на край стола. – Учить легче, чем переучивать.

Он в упор воззрился на растерянно стоящего перед ним парня пристальными серыми глазами. Алексей мельком заметил залёгшие под ними усталые тени.

– Так. Сейчас слушай очень внимательно, – сказал мужчина. – «Знамение власти» в двух словах: здесь тебе не потребуются никакие особые таланты, кроме хорошей памяти и готовности работать. Много работать, если ты думаешь, что магия не сложнее, чем балаганские фокусы, то, боюсь, мы не

поладим. Вообще, научиться может любой, только подумай хорошенько, правда ли ты этого хочешь...

Мужчина сделал короткую паузу и взял что-то со стола.

– Магия – это карандаш, – сказал он, продемонстрировав означенный предмет. – Чем больше им пишешь, тем короче он становится. С волшебством то же самое – оно позволит тебе делать множество впечатляющих вещей, но будет укорачивать твою жизнь. На самом деле, всё несколько сложнее, но это пока несущественно, в целом дела обстоят так: чем больше колдуешь – тем меньше живёшь. Средний сильванский волшебник в мирное время живёт лет от тридцати пяти этак до пятидесяти, зависит от человека.

Примерно на этом моменте до Алексея дошло, почему стражник смотрел так странно.

Ах, вот как оно всё не просто...

– Другое дело, что во время учёбы тебе колдовать почти не придётся, – продолжал мужчина. – Вот если решишь стать волшебником насовсем и дашь присягу, то там уже никуда не денешься, маги – народ подневольный. Оставить службу, кстати, тоже не сможешь, это на всю жизнь. Зато, стоит сказать, получишь внушительное жалование и станешь значительной персоной...

Ещё бы нет! Если бы за добровольное сокращение своей жизни где-то вдвое ещё и недоплачивали...

– Плюс жильё и пособие на время обучения, само собой. Да, и тебе следует знать, что если ты начнёшь учиться и вдруг

передумаешь, то в любой момент до присяги сможешь бросить, это не карается, хотя пару формальностей уладить будет нужно. Но я всё-таки советую тебе хорошенько подумать уже сейчас, просто чтобы даром не тратить моё и своё время. Пока всё понятно?

Алексей был несколько оглушён не сразу смог ему ответить. Он ожидал увидеть алхимическую лабораторию, людей в мантиях, волшебные палочки, всю эту мишуру – что угодно, но только не очень серьёзного, очень спокойного человека, совершенно бесстрастно предлагающего ему должность, на которой он будет получать кругленькие суммы за то, чтобы в итоге умереть молодым.

Да уж, не Хогвартс.

С другой стороны, сквозь противоречивые эмоции пробивалась одна-единственная здравая мысль: а что ты теряешь? Ты же слышал – он сказал, ты сможешь выйти из игры, когда захочешь. К тому же у тебя будут крыша над головой и средства к существованию, не говоря уже о доступе ко всем вот этим богатствам на полках...

Он наконец совладал с собой и твёрдо сказал:

– Понятно. Я хочу остаться.

Небритому мужчине, кажется, этого было вполне достаточно. Он спокойно кивнул и обратился к сидящему за столом:

– Господин Гедреф, запишите его, пожалуйста.

– Вообще-то, у нас набор в середине зимы, – сварливо на-

помнил седовласый, который всё это время поглядывал на странного неопрятного пришельца с неприкрытым подозрением.

– Вам не кажется, что мы не в том положении, чтобы отсылать учеников прочь? – невозмутимо возразил второй. – Те, кто у нас есть, всё равно начали в разное время. Я займусь им отдельно.

Господин Гедреф взглянул на коллегу с неодобрением.

– Бран, так не учат! – осуждающе заметил он. – Вы возитесь с ними, как гувернантка!..

Небритый чуть усмехнулся.

– Гувернантка! Мне нравится, я запомню. Будьте добры, запишите его наконец.

Господин Гедреф вздохнул в знак своего бессилия, извлёк из ящика стола пугающих размеров гроссбух и, раскрыв его, сухо потребовал:

– Имя?

– Алексей Кирин, – назвался Алексей и запоздало задался вопросом, не будет ли его имя странно звучать для здешнего уха. Мог бы и догадаться заранее прислушаться к фамилиям местных и придумать себе какую-нибудь... более подходящую к обстановке!..

Ему показалось, что мужчины перед ним переглянулись.

– Ещё один? – непонятно к чему хмыкнул господин Гедреф, но всё же невозмутимо принялся вносить запись в свой гроссбух. Мельком глянув на страницу, Алексей разобрал

выведенное аккуратным крупным почерком: «Лексий ки-Рин».

– Алексей, – машинально поправил он.

– Так я и записал, извольте посмотреть! – брюзгливо бросил господин Гедреф. – Я, к счастью, на слух пока не жалуюсь!

Что поделать? Пришлось пару раз глубоко вдохнуть и смириться. Алексей подозревал, что, если он попытается спорить, его заворчат до смерти, да ещё, того и гляди, невзлюбят на будущее, а этого ему было совсем не нужно. Лексий так Лексий, ки-Рин так ки-Рин, если этого требует причудливая местная орфография...

– Я Бран Лэйо, – представился молодой. – Будем знакомы. Откуда ты?

Алексей почувствовал себя полным идиотом из-за того, что не потрудился заранее придумать ответы на вот такие вот базовые вопросы, которые задают друг другу при встрече. Как бы то ни было, отступить было поздно.

– С севера, – ляпнул он что-то, близкое к правде. – Из города на побережье...

И внутренне на всякий случай приготовился быть раскрытым и выдворенным прочь, потому что понятия не имел, найдётся ли на северном краю здешних карт хоть какое-нибудь море. Чёрт побери, Алексей, ты вообще когда-нибудь пробовавал сначала думать, а потом говорить?..

– Из Гелльса, что ли? – уточнил господин Гедреф.

Алексей внутренне выдохнул. Гляди-ка ты, угадал.

– Из окрестностей, – уклончиво ответил он, поклявшись себе, что при первой же возможности найдёт в этой библиотеке географический атлас.

Бран на мгновение задумался о чём-то и поинтересовался.

– Артур, какой сегодня день?

– Девятое второй, – отозвался господин Гедреф. – А вы, я вижу, снова без выходных?..

– Зачем они мне? – отмахнулся господин Лейо. – Хорошо, значит, завтра ты свободен. Можешь пока город посмотреть... – он с ног до головы окинул Аллексея оценивающим взглядом, – ты ведь, я так понимаю, только приехал. А с начала новой декады посмотрим, что с тобой делать.

Он вернул иллюстрировавший его метафору карандаш на стол, взял в руки свою книгу, провёл пальцами по корешку и поставил томик на пустое место на полке.

– Пойдём, познакомлю тебя с товарищами по учёбе. Твою комнату тебе потом слуги покажут.

Алексей безропотно подчинился. Когда они вышли в коридор, Бран снова заговорил:

– Так, значит, ты из Гелльса. Как там море? Пока не замёрзло?

Алексей только успел порадоваться тому, что неловкие вопросы наконец закончились.

Так. Не паникуй. Просто представь себе, что ты на экзамене, к которому не готов: пытайся мыслить логически, ес-

ли не можешь – угадывай, но, главное, выгляди уверенно, и как-нибудь обойдётся.

– Да какое там, – хмыкнул он. – Осень ведь только началась, рано. Мы, конечно, север, но не настолько же...

По лицу господина Лейо нельзя было прочесть ровным счётом ничего. Они сделали пару шагов в молчании; потом Бран сказал как будто бы между прочим:

– Кстати, мои соболезнования по поводу смерти господина Рина. Он ведь не включил тебя в завещание, правда? Об заклад бьюсь, что нет, иначе тебя бы сейчас тут не было...

Рин... Ки-Рин. Ох, его что, приняли за родственника реально существующего человека? Чёрт, кажется, выкручиваться из всего этого будет сложнее, чем он рассчитывал...

Алексей решил до последнего стараться сохранить хорошую мину при плохой игре.

– Увы, – вздохнул он с приличествующим случаю градусом уныния.

Господин Лейо резко остановился посреди коридора и повернулся к новоявленному ученику лицом.

– Ладно, довольно, – сказал он. – Гелльс – единственный порт на Северном море, который не замерзает. Это залог процветания города и повод для его бесконечной гордости, любой, кто родом из тех мест, просто не может этого не знать. А Август Рин пребывает в добром здравии, по крайней мере, так дело обстояло вчера, когда он отбывал из Урсула обратно домой...

Алексей стоял перед ним, боясь вздохнуть, и отчётливо осознавал, что этот экзамен он провалил полностью. С трудом слыша слова Брана из-за безумно колотящегося сердца, он судорожно искал пути к отступлению...

Но этот мир не спешил оскудевать на сюрпризы.

– Расслабься, – спокойно сказал господин Лейо. – Мне нет дела, кто твой отец и откуда ты родом. Свою историю оставь при себе. То есть нет, если ты, скажем, преступник в бегах, то здесь тебя всё равно найдут, так что советую поискать место получше. Но если тебе просто нужна хорошая работа и если ты готов заниматься ей на совесть, оставайся. Просто почитай в библиотеке что-нибудь по теме, чтобы в другой раз врать поубедительнее. Кстати, о тех книгах, которые ты не выносишь из читального зала, можешь даже не сообщать господину Гедрефу, только не забывай возвращать их на место. И учти: если я пойму, что ты здесь не для того, чтобы учиться – выгоню. Уж поверь, такие вещи от меня не скроешь.

И, не дожидаясь, пока Алексей придёт в себя, Бран открыл дверь, рядом с которой они стояли, и жестом пригласил его войти.

В небольшой и очень уютной гостиной было ровно два человека – один, бессовестно рыжий, закинув ноги на подлокотник, возлежал поперёк кресла у горящего камина, второй, подперев щеку кулаком, читал под поставленной на подоконник лампой. Оба подняли головы посмотреть на вошед-

ших, и тот, что устроился в кресле, присвистнул с радостным удивлением.

– Мальчики, это ваш новый друг, – будничным тоном объявил господин Лейо. – Зовут Лексий ки-Рин. Будьте хорошими детьми и не обижайте его, а у меня ещё полно дел, так что я пошёл. Может, завтра появлюсь за обедом, если окажусь рядом.

И он исчез, оставив их втроём.

Рыжий немедленно вскочил на ноги, подбоченился и, гордо глядя на застывшего на пороге Алексея с высоты своего добро если не двухметрового роста, надменно произнёс:

– Ну что ж, сударь, позвольте мне рекомендовать себя! Моё имя Ларс Оттар Халогаланд...

Он не выдержал позы и тут же сам рассмеялся первым.

– Не трудись запоминать, – сказал он вполне человеческим тоном и протянул Алексею руку. – Просто Ларс. Рад встрече, Лексий.

После того, как они обменялись рукопожатиями, Ларс кивнул на своего товарища, делающего вид, будто он погружён в книгу, и откровенно игнорирующего происходящее:

– А этого нелюдимца зовут Элиас. Не принимай на свой счёт, он всегда такой.

Элиас даже головы не повернул, но вполне отчётливо фыркнул. Алексей не мог толком разглядеть его лицо, только спину и затылок с небрежно завязанным пучком тёмно-русых, чуть выющихся волос, но даже эти его затылок и спина

уже излучали столько враждебности, что познакомиться поближе Алексея что-то не тянуло...

– Стой, – вдруг с наигранным испугом встрепенулся Ларс, – пожалуйста, только не говори, что вы, ки-Рины, все так себя ведёте!

«Вы, ки-Рины»...

Н-да.

Алексей вдруг отчётливо осознал, что первой книгой, которую он завтра возьмёт в библиотеке, будет даже не труд по географии, а какой-нибудь справочник местных известных фамилий, потому что такие совпадения случайными не бывают. За всем этим явно что-то крылось, и господин Лейо был прав: если Алексей хочет на какое-то время остаться здесь, ему придётся многое узнать...

Кто-то из слуг пришёл проводить нового жильца в его комнату. Похоже, вся местная прислуга была вышколена на славу, но даже вросшее в это лицо бесстрастно-вежливое выражение на секунду пошло удивлённой рябью, когда Алексей сказал, что у него нет багажа – да, совсем нет. Слуга провёл Алексея по этому крылу здания – весь дом целиком был слишком велик для подробной экскурсии вот прямо сейчас, – показав ему разные стратегически важные места, и наконец открыл перед гостем, то есть теперь уже, кажется, новым жильцом дверь маленькой комнатки без окон.

Комната едва ли могла соперничать размерами с их кухней в общежитии, да и из обстановки в ней, по сути, имелись

только письменный стол, стул, печка в углу да кровать... Зато кровать была только одна – одна! После неполных трёх лет в общежитии возможность иметь хотя бы кусочек личного пространства, который не придётся ни с кем делить, в любой ситуации заставляла Алексея чувствовать себя лучше. Он был сыт по горло соседями, которые слушают музыку, триндят по телефону и водят в гости друзей, не давая толком ни поспать, ни поучиться...

Наконец оставшись один, он сел на постель поверх покрывала и понял, что лучше последует совету Скарлетт О'Хары и подумает обо всём этом завтра.

Кровать была мягкой и чистой, она не грозила развалиться под весом лежащего или укусить его каким-нибудь особо наглым клопом – в сравнении с дешёвыми провинциальными гостиницами это казалось верхом мечтаний. Вымотанный долгой дорогой и постоянной необходимостью что-то скрывать, Алексей заснул быстро. Когда он снова открыл глаза, ему показалось, что прошло всего несколько секунд, и, чтобы в этом разувериться, пришлось высунуться в коридор и увидеть в окне утро. Часов на запястье всё-таки здорово не хватало...

Как и расчёски с бритвой. В комнате было зеркало над туалетным столиком с тазом и кувшином для умывания, но Алексей что-то побаивался в него смотреть. Надо будет сегодня найти какую-нибудь цирюльню, всё-таки гулять в таком виде по столицам – не дело. Правда, денег у него кот на-

плакал, а коты – они народ волевой и слёзы почём зря лить не станут...

Ладно. С этим можно будет разобраться чуть позже. В первую очередь нужно было наконец придумать себе легенду. Да, и прояснить свою степень родства с этим, как его, Элиасом тоже не помешало бы...

Вполне ожидаемо, господин Гедреф в своей библиотеке уже успел составить о новом ученике не лучшее впечатление и встретил его холодно. Алексею пришлось выслушать пространную лекцию о том, что многие из собранных здесь книг обладают большей ценностью, чем он сам и весь его род до пятого колена, о том, что их надо уважать, беречь и лишний раз на них не дышать; о том, что если какого-то несчастного смертного угораздит испортить одно из драгоценных старинных изданий, то ему лучше заранее написать завещание и попроситься с родными и близкими, *et cetera et cetera et cetera*. Слова, конечно, были немного другими, но суть – та самая. Впрочем, очень может быть, что это была стандартная формула, которой запугивали всех новеньких. По крайней мере, когда Алексей клятвенно заверил, что он всё понял и обязуется вести себя хорошо, библиотекарь несколько смягчился и указал ему, в каких частях комнаты что находится: науки точные, науки гуманитарные, художественная литература... Это, конечно, не очень помогало, Алексей подозревал, что среди всех этих стеллажей можно заблудиться на долгие годы и одичать, если отправиться в их дебри без

карты. Но на филфаке их, к счастью, учили работать с карто- теками, да и господин Гедреф в конце концов смилостивил- ся до такой степени, что сообщил о своей готовности оказы- вать новенькому помощь. Конец предложения в духе «если уж кто-то такая бестолочь, что не сможет справиться сам» вслух озвучен не был, но явно подразумевался.

Алексей немедленно воспользовался этим разрешением, чтобы осведомиться, есть ли во всей этой невероятной со- кровещнице что-то вроде родословных книг, и его отослали к «Генеалогии лучших людей», внушительному изданию со свежими, ещё похрустывающими страницами. На титульном листе значилось, что справочник переиздаётся раз в каждые два года. Ого, да они тут, кажется, слегка повернуты на сво- ей знатности...

Полку с географическими атласами он нашёл сам. Пер- вым делом Алексей отыскал в приглянувшемся путеводите- ле по Сильване тот самый Гелльс – в конце концов, нужно же было познакомиться со своей родиной. В целом книга по- вторяла слова Брана: Портовый город... Навигация круглый год... Китобойный промысел... Процветающая торговля с Отгией и Пантеем... Так, опять эти Пантей и Отгия! Нужно разобраться.

В одном из углов библиотеки был устроен небольшой чи- тальный зал из нескольких письменных столов, за один из коих Алексей и уселся, выстроив вокруг себя целую кре- постную стену из книг. Он раскрыл разворот путеводителя

с большой и подробной картой Сильваны и прилегающих к ней земель. Море охватывало страну с юга и с запада (там, на западном побережье, кстати, и располагался Гелльс); к востоку лежали Степи, которые были Алексею уже слишком хорошо знакомы, а на севере проходила граница с Оттией. Загадочная страна не поместилась на эту карту целиком, но даже по кусочку было понятно, насколько она обширнее, чем её сосед. Пантей – тот не попал «в кадр» вовсе, так как лежал за Северным морем, к юго-западу от сильванских берегов.

Жирная точка Урсула отыскалась в восточной половине страны – не слишком далеко от оттийской границы, куда ближе к Степям, чем к морю...

Вспомнив, зачем он здесь, Алексей вернулся к страничке про Гелльс и его окрестности и наугад выбрал себе место рождения – судостроительный городок под названием Дильт. Чем-то он ему приглянулся.

Отлично, родина имеется. Теперь – имя.

Алексей решительно взялся за «Генеалогию лучших людей». Книга была составлена по алфавиту и вмещала несколько сотен фамилий, каждой из которых уделялась страничка мелким шрифтом, в самом крайнем случае – целый разворот. Ему хватило ума не листать наобум, а для начала заглянуть во вступительное слово и выяснить с его помощью массу интересных вещей. Например, что «лучшие люди» с обложки – не просто напыщенный речевой оборот, а местный дворянский титул – причём единственный. Бо-

лее дробного деления не существовало. Чтобы понять, кто по статусу выше, кто ниже, приходилось ориентироваться по размерам состояния или по древности рода, тут уж кому как нравилось. Более того, все эти знания, похоже, оставалось только постоянно держать в голове – ну, или сверяться с родословными книгами.

Так вот почему их так часто переиздают – мало ли, у кого где родится наследник, чей род пресечётся, а кому, наоборот, пожалуют дворянство. Да и разве же всё упомнишь? Что и говорить, светским человеком в этих краях, наверное, быть непросто...

Алексей перевернул пару страниц и наткнулся на расшифровку принятых в книге обозначений. Кроме прочего, там толковались приставки перед фамилиями, и его взгляд сам собой упал на такое знакомое уже «ки-». Ну-ка, что тут у нас? «...данную приставку носит бастард, признанный отцом, но не усыновлённый им. Прибавляется к фамилии отца. Отнимается в случае усыновления или причисления к лучшим людям (подробнее о процедуре пожалования титула лучшего человека – в приложении на странице...)»

Алексей закрыл книгу и какое-то время посидел, глядя прямо перед собой.

Ну, привет, Лексий ки-Рин из Дильта. Может быть, со своим биологическим отцом ты никогда и не встретишься, зато сцену радостного воссоединения с полубратом можешь устроить хоть сейчас. Только музыки из «Санта-Барбары»

и не хватает.

Как будто он и так не был сыт по горло половинчатым родством. Нет, спасибо, Зинки хватило, а та, между прочим, хотя бы не крысилась при первой же встрече безо всякой причины. То есть ладно, в день их знакомства Зинаиде было трое суток от роду, но, в конце концов, что это меняет...

Алексей взял себя в руки, успокоился и нашёл в «Генеалогии» страницу, озаглавленную гордым коротким «Рин».

Уже после прочтения по диагонали ему стало понятно, что у него губа не дура и он умеет выбирать, к кому записаться в бастарды. Нынешний господин Рин, тот самый, который Август, был очень богат, и число поколений у него за спиной внушало невольное уважение. Не зная, что обо всём этом думать, Алексей машинально скользил взглядом по строчкам: пятьдесят с лишним лет возраста, одна покойная жена и один развод, трое своих детей, ещё трое приёмных... Интересно, эти тоже раньше носили своё законное «ки-»?

Алексей хотел было отложить книгу в сторону, но вдруг передумал и углубился в её конец. Кем бишь назвался этот Ларс Оттар?.. Он немного порылся в разделе на «Х» и отыскал там Халогаландов. Лучше бы, конечно, было этого не делать, потому что это семейство по древности, то есть, читай, по знатности превосходило даже Ринов, а Ларс при этом был не обиженным жизнью незаконнорождённым сыном, а единственным наследником мужеского полу... нет, стойте, стойте, даже не наследником, а и того круче – в свои двадцать

два единственным совершеннолетним мужчиной в роду.

Ну здорово.

И как теперь обращаться к этому парню? И стоит ли вообще? Вчера он, конечно, не смог вести себя по-господски, даже когда попытался, но мало ли, кто их вообще знает, этих самых лучших людей...

Алексей на всякий случай снова полез в начало книги, чтобы посмотреть, какие обращения полагаются местным благородным, но не успел.

– Я так и думал, что ты здесь. Готовься к тому, что, как начнёшь учёбу, будешь иногда даже здесь ночевать...

Господин Халогаланд был лёгок на помине. Алексей спешно спрятал «Генеалогию лучших людей» под первым подвернувшимся под руку трудом по географии, но не был уверен в том, что Ларс ничего не заметил, потому что его яркие зелёные глаза странно сверкнули.

– Ты как, очень здесь занят? – его тон, впрочем, остался таким же беззаботным. – Я просто подумал – если ты в первый раз в нашем медвежьем углу, я мог бы немного показать тебе город. Такую красоту на улице нельзя упускать, она вряд ли продержится долго. Начитаешься, когда дожди зарядят.

И как-то совершенно не обидно, без всяких неприятных намёков, добавил коротко:

– Заодно могу порекомендовать портного, если тебе нужно.

– Денег нет, – с грустью признался Алексей и только пост-

фактум осознал, что сказал это не такому же нищему од-ногруппнику в коридоре перед парой, а наследнику весьма знатного семейства. Чёрт побери! До чего же сложно в этом классовом обществе! Вот стоит перед тобой вполне симпатичный рыжий парень, который запросто болтает с тобой на равных, а ты думаешь только о том, что он – богач и дворянин...

– Ой, это не беда, – весело хмыкнул Ларс. – Если Бран будет за обедом, попроси, чтобы выдал тебе пособие вперёд. Этого по правилам, конечно, не очень можно, но он всё понимает...

Бран был, так что в итоге они обедали вчетвером.

Зрелище, на самом деле, было то ещё: в необъятной столовой со шпалерами на стенах и огромной хрустальной люстрой стояло два стола, таких длинных, что с одного конца на другой, наверное, приходилось кричать, а из армии стульев было занято всего четыре. Алексею стоило немалого труда сдерживать себя и вслух не выдать что-нибудь вроде «Серьёзно? Как, и *это* – все?». Слова «школа волшебников» вызвали у него в воображении Распределительную шляпу, четыре факультета и толпы учеников, но реальность заявляла, что снова сделает всё по-своему. С другой стороны, недоумевал Алексей, дом ведь огромен, да хотя бы эта самая столовая – ведь не просто так же она поражает воображение! Архитектурные масштабы прозрачно намекали, что когда-то – по крайней мере, в прошлом – магия была куда как более

популярной стезёй...

За обедом Ларс весело болтал какую-то непринуждённую бессмыслицу, так что даже Элиас раз или два невольно улыбнулся его словам. Большую часть времени он, впрочем, сидел напротив Алексея с самым мрачным видом. Хотя этот парень, наверное, казался угрюмым вообще всегда, похоже, это было особенностью черт его лица, диковатых и резких – они сами по себе выглядели так, словно он в любой момент готов нахмуриться, дай только повод. У него были очень светлая кожа, острые скулы и бледно-зелёные глаза, которые смотрели на что угодно, но только не на Алексея – «братец», видно, был из тех, кто предпочитает не замечать того, что им не по нраву. Ладно, чёрт с ним, не ищет ссоры – спасибо и на том. Алексею, если честно, было ни горячо ни холодно от его неприязни. Пусть себе чувствует что хочет.

Ларс с Элиасом оба говорили Брану «ты», и, когда Алексей невольно, сам того не заметив, тоже так к нему обратился, никто его не одёрнул. После обеда новый ученик заговорил о деньгах, и Бран без лишних расспросов привёл его в свой кабинет и под подпись выдал ему какую-то сумму. Алексей всё ещё понятия не имел, много это или мало, потому что ещё не разобрался, что здесь сколько стоит, но надо же было с чего-то начинать, поэтому он нашёл Ларса и спросил у него, в силе ли ещё его приглашение. Да, совершать моцион в своём нынешнем виде на пару с высокородным юношей казалось чем-то совсем уж декадентским, но

узнать, где что находится, уж точно было не лишним, а ещё ему нужен был портной. Да, определённо, отправиться на эту экскурсию стоило уже хотя бы ради одного только портного.

– В силе, конечно! – весело заверил Ларс и пояснил:

– Я тут проверку по истории провалил, завтра вторая попытка, так что, сам понимаешь, сегодня – лучшее время для прогулок...

Стоило ему это сказать, как Алексей сразу ощутил, что, несмотря на всю социальную разницу, между их душами определённо есть родство. Ему ли было не понять чувства студента, готового за день до экзамена заниматься уборкой, танцами, благотворительностью – да чем угодно, лишь бы не учить...

Алексей с истинным благородством решил, что помочь коллеге в нелёгком деле прокрастинации – его долг и святая обязанность, и они отправились осматривать город.

Тур начался с территории школы. Ларс рассказал ему немного про это место – про то, что раньше детей лучших людей готовили здесь в какой-то особый элитный полк, пока прадед нынешнего царя, его величества Клавдия, не решил, что найдёт для построек лучшее применение. Главное здание было спроектировано в форме буквы «П» – от главного корпуса под прямым углом отходили ещё два, невидимые с фасада. Между которыми была устроена гладкая, без травы, площадка, где ученики упражнялись в фехтовании. Ко всему этому прилагались два служебных флигеля и не

слишком большой, но совершенно роскошный парк, которому осознанно позволяли зарастать и дичать, потому что идеально ровные лужайки и квадратные кусты – это скучно. Тёмные развесистые тополя походили на ворчливых, но добродушных стариков, и Алексей не мог не признать, что так они симпатичнее, чем регулярно подстригаемые земные.

Созерцая красные кирпичные стены, он всё-таки не удержался и спросил:

– Неужели ты и Элиас – это всё? Только двое?

– Ну, – Ларс неопределённо повёл плечами, – когда я впервые сюда пришёл, было побольше. Человек двадцать, наверное.

– И что же произошло?

Может быть, Алексею просто показалось, а может быть, Ларс и в самом деле поколебался, прежде чем ответить.

– С тех пор год прошёл, – сказал он. – Кто-то присягнуть успел, кто-то испугаться... – он улыбнулся. – Нет, в самом деле, ты же не думал, что найдётся так уж много желающих не дожить до почтенной старости? К тому же в Рутье есть ещё одна школа, она куда старше нашей, да и имя у неё куда громче, поэтому из других городов едут обычно не к нам. Я-то родился в Урсуле, так что...

И, заметив взгляд Алексея, рассмеялся:

– Да ладно, не переживай, трое – это и правда немного, но, подумай, я ведь как-то жил с Элиасом вдвоём. И ничего, вроде до сих пор в здравом уме. Мне, по крайней мере, так

кажется.

– Он и правда всегда такой? – поинтересовался Алексей.

– Ну, почти. Но учится он блестяще. Он здесь с прошлой зимы, на год меньше, чем я, но уже меня догнал, представляешь?. И историю, между прочим, сдал с первого раза...

Кстати об истории, какой-нибудь учебник по ней тоже полистать не помешает. И по местной литературе... Нужно же как-то вписаться в культурный фон. Было бы обидно выдать себя, просто ляпнув что-то не то в светской беседе.

Тем временем они успели выйти за кованые ворота и теперь шагали по мостовой.

– Как вам здесь вообще учиться? – на самом деле, этот вопрос занимал Алексея с самого начала. – Трудно?

Ларс пожал плечами.

– Ну, не то чтобы очень. Если у тебя хватает силы воли, чтобы заставлять себя учить то, что надо, вовремя, а не откладывая на последнюю ночь, то ты справишься. Если на то пошло, тут многого не нужно, главное – усидчивость: колдуем мы с помощью заклинаний, а их все надо просто зазубривать. Неудобно, знаю, но, увы, только так. Ещё изучаем физику и химию, в будущем году ещё метеорологию с астрономией обещают, потому что Бран настаивает, что нельзя применять магию к миру, если ты не понимаешь, как он работает... Да, философия и история – для развития мышления и памяти. Хотя в самом начале ты, наверное, как и все, познакомишься с господином Шаумдорфом, эта чаша на моей

памяти никого ещё не миновала...

– А это ещё кто? – насторожился Алексей.

– Узнаешь, – с каким-то непонятным сочувствием заверил Ларс. – Надеюсь, ты любишь поэзию.

Да уж, звучало интригующе.

Совсем скоро Алексей выяснил, что их школа находилась в сердце Урсула – в самой роскошной, пышной и впечатляющей его части. Ларс рассказывал понемногу обо всём интересном, что попадалось им по пути, Алексей внимательно слушал и усердно кивал, хотя имена архитекторов и ссылки на исторические события ничего не могли ему сказать. Смотреть глазами это, к счастью, не мешало, а посмотреть было на что. Господин Халогаланд водил нового знакомого, так сказать, по историческому центру, показывая ему памятники полководцам и поэтам, театр, какую-то площадь, парк, ещё один парк... Урсул вообще был очень зелёным местом – Алексею показалось, что везде, куда парк не поместился бы чисто технически, втискивали хотя бы сквер или, на самый худой конец, клумбу. Когда на пути им встретилось белое, степенное здание с витражными окнами, вызвавшее в памяти Алексея яркую картинку толпы и хора в жёлтом, Ларс пояснил, что это храм. Интересно, что здесь за религия? И... всё-таки, тогда, в первый день, знала ли та девушка, кто он?..

По случаю выходного погожего дня многие горожане совершали моцион; Ларс изящно здоровался с некоторыми из них привычным наклоном головы, и тогда Алексей гадал,

сильно ли он дискредитирует его, маяча сбоку своей, мягко говоря, странноватой физиономией. Впрочем, кем бы ни были спутники господина Халогаланда и как бы они ни выглядели, они, наверное, в любом случае меркли и терялись на его фоне...

Ларс и правда был красавцем. Его высоченный рост не слишком бросался в глаза, потому что он был хорошо сложен – широкие плечи, узкая талия, да ещё и безупречная осанка... Две прядки обстриженных чуть выше плеч волос, идущие от висков, были схвачены на затылке в маленький хвостик; правильное лицо мог бы испортить разве что длинный нос, но даже эта деталь в халогаландовском исполнении скорее добавляла ему шарма. Яснее всего дворянина, то есть, пардон, лучшего человека, выдавали, пожалуй, движения и походка – такой уверенной лёгкостью и непринуждённостью жестов, наверное, могут похвастаться только те, у кого с самого детства не было причин в себе сомневаться...

Но самым странным было то, что в остальном Ларс Оттар Халогаланд вёл себя как самый обычный смертный. Болтал (иногда, может быть, даже самую капельку слишком много), смеялся (и смешил других – Алексей постоянно ловил себя на том, что хохочет над очередной его шуточкой, напрочь забыв «Генеалогию» с её сословными предрассудками) и совсем не пытался задирать свой особенный нос...

Признаться честно, Алексей получил от экскурсии массу эмоций, но чёткого представления о столице не составил

– просто потому, что от обилия впечатлений у него голова шла кругом. Но одно всё-таки было несомненно: Урсул был очень красив... и даже при свете яркого осеннего дня не перестал напоминать Петербург. Лепниной и колоннами на разноцветных фасадах, атлантами под балконами, сочностью парков, цепочками фонарей... Всем сразу и ничем в особенности. Разом и знакомый, и чужой, будто во сне.

Ах, ну да, а ещё Алексей теперь знал пару мест, где можно было выпить, потому что таковые тоже входили в краткую обзорную экскурсию – правда, сегодня только снаружи, – и Ларс рассуждал о них, как знаток. Впрочем, в самом деле – он же местный, ему положено...

Заключительным аккордом их прогулки стал царский дворец – и какой же мощный это был аккорд! Доминирующий над площадью, которая размерами не уступила бы Дворцовой, он выглядел как плод гения архитектора, которому велели каким-то невозможным образом соединить титаническое с изящным, и, что самое удивительное, ему удалось. На солнечном жёлтом фасаде чистым снегом выделялись белые лепные украшения; стройные колонны держали на плечах балконы, искрами брызгал, отражаясь в оконных стёклах, предвечерний свет...

– Потрясающе, правда? – сказал Ларс, выводя его из благоговейного созерцания. – Что скажешь о таких соседях?

– О чём это ты? – искренне удивился Алексей.

– А, понятно, ты давно уже потерялся, да? – весело фырк-

нул господин Халогаланд. – Ну что ж, чтобы ты знал – наша школа вон там, прямо за дворцом. Он что-то вроде квадрата со внутренним двором, и задняя стена выходит аккурат на ограду нашего парка.

Ладно, что ж, за последнюю неделю или около того Алексей уже как-то по привычке к разным неожиданностям. Близкое соседство с самым настоящим монархом? Почему бы и нет.

– Очень удобно, на самом деле, – заметил Ларс. – Можно, например, наносить неофициальные визиты фрейлинам царевны. У нас в ограде даже есть подходящий лаз, чтобы не идти кругом... – он подмигнул. – Если не решишь бросить всё это волшебство уже через пару декад – доверю тебе страшную тайну его местонахождения.

Алексею показалось, или это правда звучало как предложение дружбы?

Ларс исполнил и последнюю часть своего обещания – направил Алексея в лавку, где тот наконец мог одеться по здешней моде. Там они и расстались.

– Удачи, – пожелал Ларс. – Надеюсь, потом нигде не заблудишься, и лучше не приходи слишком уж поздно. Вообще-то ты можешь распоряжаться собой, как хочешь, но Бран будет недоволен, если ему попадётся. Он немного странный, но это обычное дело, мне уже кажется, что все волшебники странноваты... Ты увидишь, тебе самому захочется быть у него на хорошем счету. Если честно, его укоризнен-

ные взгляды – часто то единственное на свете, что вообще может заставить меня преодолеть лень...

Он помолчал и улыбнулся.

– Нет, всё-таки здорово, что ты появился. Втроём веселее... Об заклад бьюсь, тебе у нас понравится.

Алексей надеялся, что так и будет.

Правда, смолчал о том, что не планирует задерживаться слишком надолго.

Глава четвёртая: Течение

Говорят, когда человек строит планы, боги смеются.

Только ленивый ещё не сравнивал время с рекой, благо, аналогию можно при желании развёртывать хоть до бесконечности. У Алексея было что-то вроде аллергии на избитые метафоры, но на сей раз он не мог описать того, что с ним произошло, никак иначе: время затянуло его в пенящийся, шумящий водоворот, с которым было совершенно бесполезно спорить.

Когда он наконец вынырнул обратно, в Урсуле вовсю вступала в свои права бесснежная городская зима.

Он пробыл здесь всю осень. Всю чёртову осень! Причём всё это время честно был чем-то занят – вот только ни на шаг не сдвинулся с места.

Проблема была в том, что он ничего не нашёл.

Сначала Алексей опасался бывать в библиотеке каждый божий день, но, когда никто не подошёл к новенькому с вопросом, чего это он туда зачастил, стал смелее. По вечерам он допоздна сидел, чихая от пыли, и, тоскуя по поисковым системам родного двадцать первого века, пытался найти хоть что-то. Искал в картотеке по всем ключевым словам, какие только мог придумать: устройство мира. Устройство вселенной. Транспорт. Перемещения. Тщетно: сколько толстых, пыльных и, без сомнения, ценнейших книг он ни под-

нял, ни в одной не было ни словечка о параллельных мирах. Даже здешний романтизм со своим обязательным двоемирием, бывший как раз в самом разгаре, и тот устремлял мечты томно вздыхающих героев не куда-то в нездешнее и эфирное, а в разные вполне реальные, хотя и географически отдалённые места, к девственной природе, диковинным обычаям и прочей экзотике...

Выводов напрашивалось два: или он ищет не там, где надо, или того, что он ищет, просто нет.

Что, если путешествия между реальностями в этом мире – такая же фантастика, как и в его собственном? Что, если никто здесь не только ничего о них не знает, но и в них не верит?

Конечно же, самым умным было бы пойти к Брану и просто спросить. Алексей боялся доверять кому бы то ни было слишком сильно, но в Бране Лейо было что-то такое – как во взрослом, к которому ты ребёнком бежишь за советом и помощью, когда с чем-то не справляешься сам. Иногда, встречаясь взглядом с его спокойными серыми глазами, Алексей думал, что из всех людей, которых он встретил здесь, в Сильване, именно этот, возможно, был единственным, кто способен понять его историю и принять её всерьёз...

Но Алексей не решался.

Когда он наконец это сделает, пути назад не будет. Предугадать реакцию Брана он не мог, зато знал, что, если придётся бежать, то он понятия не имеет, куда. Дни шли за днями,

гора впустую перелистанных книг росла, и Алексею всё труднее было заглушить внутренний голос, твердящий: «Трус! Так ты хочешь домой или нет?!» – но открыться кому-то ему не доставало храбрости.

Если он думал обо всём этом слишком долго, то впадал в отчаяние, поэтому Алексей малодушно прятался в повседневные дела. В конце концов, нужно было разыгрывать прилежного ученика – его ведь предупредили, что бывает за недостаток усердия. Что ж, уж чему-чему, а изображать добросовестную учёбу Алексея жизнь научила...

Предсказание Ларса сбылось: сразу после выходных, на третий день пребывания Алексея в школе, Бран торжественно познакомил его с господином Мартином Шаумдорфом. То есть личной встречи не получилось, потому что знаменитый литератор умер пару десятилетий тому назад, но его наследие жило – в виде одной широко известной классической поэмы. Такой, на самом деле, неслабой. Когда Алексей впервые увидел томик «Знамения власти», то не смог не хмыкнуть: и это его-то Бран собирался пересказать в двух словах?..

– Это надо выучить наизусть, – как бы между прочим сказал господин Лейо, пока Алексей изучал обложку и титульный лист.

Алексей не уронил книгу только потому, что господин Гедреф достаточно ясно дал ему понять, что бывает с людьми, проявившими недостаточно уважения к его библио-

течным сокровищам.

– Целиком? – только и сумел уточнить он.

– Ну да, – совершенно спокойно подтвердил Бран. – Не осилишь – значит, и дальше тебе надеяться не на что. От тебя требуется уметь рассказывать её от начала до конца, всю за раз, не прерываясь, с точностью до слова. Можно без выражения, у нас не школа ораторского мастерства. Вас тут так мало, что я всё равно каждого учу отдельно, так что сроков задавать не буду, но лучше не тяни, хочу увидеть, на что ты способен. Как будешь готов – скажи.

Алексей тряхнул головой.

– И вот к этому сводится учебный процесс?

– На ближайшее время – да, других заданий не будет, – кивнул Бран. – Считай это чем-то вроде растянутого во времени вступительного экзамена. Ну, если вдруг заскучаешь, то библиотека в твоём распоряжении.

О, библиотеку Алексею ещё только предстояло оценить по достоинству.

Ладно. Хорошо. Экзамен так экзамен. Он уединился со «Знаменем власти» у себя в комнате и постарался свыкнуться с мыслью о том, что им двоим предстоит ещё очень много времени провести вместе.

Для начала надо было хотя бы его прочитать. Как выяснилось из вступительного слова, основой для сюжета послужили предания о древнем полубогинном короле-волшебнике, этаким короле Артуре и Мерлине в одном лице. Мо-

нарх якобы (потому что учёные до сих пор спорили, существовал ли этот легендарный Гэйнор как личность) объединил несколько мелких раздробленных княжеств, чтобы сколотить из них единое королевство, впечатляюще могущественное для своего времени. Интригующая историческая справка обещала, что хотя бы скучно точно не будет, и не солгала: в шестистишиях поэмы уместились и героизм с предательством, и звенящие мечами битвы, и впечатляющее колдовство, а над душещипательной сценой гибели красавицы Финнавар Алексей, наверное, и вовсе разрыдался бы, будь он девчонкой...

И всё равно, перспектива зубрить вот это всё наизусть поневоле заставляла усомниться в ренессансном постулате о безграничных возможностях человеческого разума.

Ничего. Глаза боятся, а руки делают. Повторное прочтение поэмы, на сей раз вслух и с расстановкой, помогло выяснить, что вся она от первого слова до последнего умещается в пятьдесят минут или что-то вроде того. Тот же «Евгений Онегин», например, по воспоминаниям Алексея, длился часа три, а то и больше, но учили же его люди на спор!

Уже после первых нескольких страниц, вызубренных наизусть, Алексей понял, что это, кажется, были сверхлюди.

На другой день за завтраком он спросил у Ларса:

– Это вообще возможно?

– Как, ты прочитал «Знамение власти» и не вынес оттуда главного урока, что нет ничего невозможного? – рассмеял-

ся тот. – Да. Я сам проверял. В наш набор Бран дал нам на всё про всё две декады, в итоге сдали все, хоть и не с первого раза. Я думаю, Бран просто хочет знать, чего потом от тебя требовать. Во-первых, конечно, посмотреть, как у тебя с памятью, потому что она – наш первый инструмент, но ещё и понять, что ты вообще за птица. Начнёшь ли заранее или оставишь всё на последние дни, уверен ли в своих силах. Будешь ли пытаться поскорее сдать эту поэму, толком не доучив, или сначала убедишься, что правда готов...

Он улыбнулся.

– В общем, просто учи и получай удовольствие от прекрасного слога. Да, по себе знаю, скоро тебя от этого «Знамения» так затошнит, что смотреть на него не захочешь, но это пройдёт. Зато потом сможешь выигрывать пари. Или поражать дам в самое сердце, декламируя им самые проникновенные моменты...

Ларс сделал глубокомысленную паузу.

– Но только не моей старшей сестре. Она Шаумдорфа на дух не переносит. Вечно твердит, что герои обращаются с женщинами как с вещами, и прочее в этом роде...

Время, свободное от «Знамения» и тщетных поисков того, зачем он вообще сюда пришёл, Алексей посвящал самообразованию. Невежество могло повлечь за собой неудобные вопросы, и ему в последнюю очередь хотелось погореть на какой-нибудь ерунде. Намеченная программа получилась гуманитарной: история, религия, литература, искусство в це-

лом, причём и классические, и современные. Человек существует не в вакууме, чтобы сойти за своего, нужно уметь хоть немного поддерживать разговор и понимать шутки...

Алексей был не настолько глуп, чтобы вознамериться изучить всю культуру этого мира в сжатые сроки. Здравомыслящий оценив свои силы, он собирался просто пройтись по верхам, но одно тянуло за собой другое, ссылаясь на предыдущую книгу заставляла его искать на полках следующую, и, если честно, процесс затягивал. Он штудировал учебники истории и литературные обзоры за последние десятилетия, листал альбомы с репродукциями известных полотен, новыми глазами смотрел на урскульскую архитектуру... Через какое-то время он интереса ради даже попробовал читать газеты и обнаружил, что стал постепенно вникать в то, что происходит в мире – в *этом* мире.

Загадочный заморский Пантей на правах передового государства задавал моду всем остальным. Его величество Клавдий был из деятельных монархов и действительно энергично работал работу, а не просто просиживал штаны на троне. Сильванские дипломаты долго и нудно спорили с подданными оттийской королевы Регины, пытаясь решить очередной мелкий территориальный вопрос... На самом деле, от земельных споров между соседями не было спасения вот уже несколько столетий – то есть с тех самых пор, как тогдашний правитель Оттии своей царственной прихотью сделал Сильвану отдельным суверенным государством. Алексею как-то

сами вспоминались те двое из почтового дилижанса, не поделившие выросший между их участками куст смородины...

С господином Шаумдорфом они стали настолько близки, что Алексей решил, что настало время перейти на «ты», и стал панибратски называть поэта просто Мартином. Алексей продержался в университете своих почти полных три курса, да и в целом на память не жаловался, однако все известные ему техники запоминания лишь немного облегчали процесс, моментами кажущийся просто безнадёжным. Ларс в очередной раз оказался прав, и в какой-то момент Алексею так осточертела проклятая поэма, что ему пришлось на пару дней забросить её и вообще о ней не думать. Да и вечерние изыскания в библиотеке брали своё – практика недвусмысленно показывала, что всё время изучать что-то новое просто невозможно. Нужны были перерывы.

Тут его спасло фехтование – вернее, снова пришедший на помощь господин Халогаланд. В один прекрасный день, когда Алексей окончательно понял, что в этой жизни нужно что-то менять, Ларс предложил:

– Не хочешь присоединиться к нам на площадке? Я за тебя переживаю, в самом деле, нельзя же *столько* за книгами сидеть.

В тот момент Алексей всерьёз задумался, не учат ли будущих волшебников читать мысли.

На самом деле, ему ещё предстояло это узнать, потому что пока тренировки на площадке за школой были единствен-

ным, чем он и остальные двое занимались вместе. Ларс объяснил, что физические упражнения входят в их обязательную программу – именно по той самой причине, что, если целыми днями торчать в четырёх стенах и учить, можно свихнуться. Вот только вместо памятных Алексею по школе кроссов и отжиманий здесь фехтовали на шпагах и мечах, а желающие могли ещё и пострелять из лука, потому что, судя по всему, огнестрельного оружия в этом обществе не использовали. Тот же Ларс был настолько хорош, что мог без шуток расщепить одну свою стрелу другой, как какой-нибудь Робин Гуд, а когда он брал в руки шпагу, Алексей вообще терял всякую способность связно комментировать происходящее. Понятное дело, что отпрыск знатного рода, скорее всего, оттачивал своё мастерство с молодых ногтей, но, глядя на его безупречно техничные движения, Алексей подозревал, что не научится так и за сто лет. Да уж, это тебе не подтягиваться уметь...

Тренера ребят звали господин Дели. Когда Алексей с плохо скрытым смущением признался ему, что фехтовать не умеет от слова «совсем», ответ неуволимо напоминал что-то, что он уже слышал:

– Знаешь, сколько у меня парней, которые почему-то думают, что умеют? Уж лучше так! Ничего, научим.

Алексей не думал, что все эти тренировки когда-нибудь правда сослужат ему службу, но они здорово помогали отвлечься и развеяться, и, в конце концов, это было интерес-

но и красиво. То есть красиво, конечно же, не в его исполнении, но поединки Ларса и господина Дели, например, были исключительно захватывающим зрелищем. Оружие у них было учебное, но привычных для землянина масок и защиты здесь не носили; впрочем, эти двое, кажется, и так чувствовали себя вполне уверенно. Если Ларс и уступал наставнику в мастерстве, то лишь немного, и Алексей не раз ловил себя на том, что, позабыв дышать, следит за их боем вместо того, чтобы тренировать правильную стойку или отрабатывать выпады в паре со стеной...

Вот Элиас шпаги терпеть не мог. Когда о них заходила речь, весь его вид красноречиво говорил: «Оружие, которым нельзя порубить кого-то на куски? Увольте!». Все эти помпезные поединки, больше смахивающие на танцы, и показушные финты вызывали у него откровенное презрение. Иногда, когда господин Дели занимался с Алексеем, пытающимся освоить какую-нибудь очередную атаку или защиту, Элиас соглашался составить пару Ларсу, но на дуэль этих двоих было бы бессмысленно даже принимать ставки. Лишь однажды на памяти Алексея они не просто оттачивали отдельные приёмы, а действительно устроили настоящий тренировочный бой; ни в одном из трёх раундов Ларс не оставил противнику даже шанса. Господин Дели, наблюдавший за всем этим безобразием со стороны, в конце концов почти сердито окликнул:

– Да что с вами такое, ки-Рин? Соберитесь! Вы сегодня

фехтуете даже хуже, чем его высочество!

Элиас фыркнул, молча отбросил шпагу и отправился за своим мечом. Словом, оскорбился – впрочем, оскорбить господина ки-Рина, как Алексей уже понял, вообще было проще простого. Порой ему стоило немалого труда сдерживать желание открыто сообщить «братцу», что, будь у кого-то поменьше норова, всем бы легче жилось... Останавливал, пожалуй, только тот факт, что они вообще почти не разговаривали. Элиас начал первым, Алексей пожал плечами и принял правила игры. Так и жили.

Правда, что есть, то есть – с мечом другой ки-Рин действительно был хорош, пожалуй, даже слишком. Тренировочные манекены после его атак получали травмы, несовместимые с жизнью – можно было подумать, что у Элиаса с ними какие-то личные счёты. Алексей украдкой наблюдал за его тренировками с безопасного расстояния и со смесью невольного восхищения и лёгкого ужаса твёрдо решил, что спарринговать с этим парнем точно не станет. Даже на тупых клинках. Жизнь дороже.

Когда Элиас гордо удалился, Ларс опустил оружие и тоскливо вздохнул:

– Скука! Лексий, ты, пожалуйста, учись побыстрее, мне же нужен противник. Оскорбить кого-нибудь, что ли? Хоть на дуэли подерёмся...

– Царевич что, действительно настолько плох? – поинтересовался Алексей.

Он и до этого слышал, что господин Дели одно время преподавал своё искусство самому младшему сыну его величества Клавдия, но подробности вызывали любопытство.

– Эдвин? – хмыкнул Ларс. – Ой, это ещё мягко сказано! Я как-то видел, как он фехтует, хотелось отобрать шпагу и вручить ему метлу. Едва сдержался. И вообще, между нами, он дурачок.

Алексей невольно оглянулся, не слышит ли кто-нибудь. Вести такие разговоры в двух шагах от царского дворца казалось не слишком мудрым.

– А мы с тобой за подобные беседы не загремим куда-нибудь... – он чуть не ляпнул «в Сибирь», – в неприятное место?

Ларс рассмеялся.

– Не волнуйся, на правду не обижаются, а Эдвин – увы! – и вправду дурачок, причём Клавдий знает об этом ничуть не хуже меня.

Впоследствии Алексей не раз и не два слышал сплетни, подтверждающие его слова. Поведение царевича никак нельзя было поставить другим в пример: кутежи, наглость, нежелание учиться, полная безответственность... Прекрасный набор для будущего правителя, ничего не скажешь. Конечно, в семнадцать лет людям вроде как *положено* вести себя совершенно по-идиотски, и с возрастом это у многих проходит, но Алексею что-то стало тревожно за будущее Сильваны...

Ему ещё пришлось вспомнить об этом их разговоре с Ларсом какое-то время спустя, когда Алексей уже медленно, но верно подбирался к концу «Знамения власти», а Гэйнор со своей Финнавар уже стали регулярно являться ему во снах. Именно тогда ему довелось лицезреть царевича Эдвина своими глазами.

Визит августейшей особы был нанесён без предупреждения и получился каким-то совсем не торжественным. Будущие маги, все трое, как раз упражнялись в силе и ловкости на своей площадке, когда Алексей осознал, что за ними наблюдают. Он недоумённо оглянулся – и встретился взглядом с каким-то незнакомым парнем никак не старше двадцати, стоящим по ту сторону ограды. То есть, на минуточку, на территории дворца.

У юноши были светлые глаза, родинка на щеке и чёрная как смоль девчачья косичка; он был не красивым и даже не хорошеньким, а скорее каким-то... смазливый, да, вот так, с отрицательной коннотацией. Незнакомец с беззастенчивым интересом созерцал волшебников сквозь прутья высокой, выше человеческого роста, ограды – так ребёнок в зоопарке изучает зверей в клетках. Алексей хотел было мрачно продолжить мысль: «... или обезьяна из клетки пялится на людей», но он однажды видел Эдвина на каком-то портрете и наконец осознал, *кто* перед ним.

– Айду, ты держишь эту штуку так, словно впервые её видишь! – весело заявил Эдвин, кивнув на шпагу у Алексея в

руках. – Господин Дели, почему вы скрываете от него, что он безнадежен?

Алексей был бы не прочь ответить этому горе-остряку, но здравый смысл подсказал, что лучше не стоит. Он сделал вид, что ничего не слышал, но заметил, как Ларс, стоящий к ограде спиной, хмурит брови.

Впрочем, царевич, кажется, был не способен слишком долго удерживать внимание на чём-то одном и уже переключился на новую цель.

– Добрый день, господин ки-Рин! Что эти соломенные люди вам сделали? Почему вы их так ненавидите?

Элиас на время бросил сражаться с ветряными мельницами, с размаху воткнул свой меч остриём в землю и рукавом вытер выступивший на лбу пот.

– Богов ради, – сказал он очень спокойно, даже не трудясь обернуться, – тебе что, совсем больше нечем заняться?

Эффект получился мгновенный: самозванный комментатор сначала ярко вспыхнул, потом побледнел, а потом и вовсе исчез. У Алексея было сильное подозрение, что побежал жаловаться на возмутительную дерзость обнаглевших холопов в вышестоящие инстанции.

– У нас теперь будут неприятности? – встревоженно спросил он у Ларса.

– У нас? – беззаботно отмахнулся тот. – Не будет. Расслабься.

Алексея это, признаться, не убедило. В то, что конфликт

замнётся сам собой, как-то не верилось, и он ждал продолжения, хотя бы в форме выговора. Дождался: выговор действительно был сделан, вот только, неожиданно, не с той стороны. Ларс, у которого были свои источники среди дворцовых фрейлин, с трудом сдерживая смех, рассказал, что его величество Клавдий лично отчитал обиженного вусмерть отпрыска за то, что тот мешает волшебникам заниматься своим делом.

Вот тогда-то Алексей в первый раз в полной мере осознал, что магия – это не просто так.

На самом деле, Клавдию можно было посочувствовать, потому что с детьми ему что-то хронически не везло. Помимо бестолкового сына у правителя была ещё и старшая дочь, вот только Амалия от рождения болела чем-то неведомым местной медицине, и её откровенно прятали от людей. Царевна безвылазно жила во дворце, как сказочная принцесса в башне, никуда не выезжала, нигде не появлялась, и, если честно, порой создавалось впечатление, что за последние два десятка лет никто её и не видел. При таком раскладе у Алексея вообще возникал резонный вопрос, жива ли она до сих пор; впрочем, газеты исправно публиковали пышные поздравительные статьи в день её рождения, да и Ларс, знающий многое от дворцовых слуг, вроде ни на что не намекал...

Да, слуги были одним из аспектов новой жизни, которые поначалу приводили Алексея в замешательство. К счастью, школа не страдала гиперопекой – здесь на их попечении бы-

ли только стирка, уборка и прочие домашние дела, которые прислуга выполняла профессионально, незаметно и ненавязчиво. С одной стороны, Алексею больше не приходилось жевать недоваренную гречку (у него был особый талант портить даже самые простые блюда), с другой – вся эта система оставалась в рамках здравого смысла и не предполагала, что он не в состоянии сам натянуть сапоги. На личное пространство и самостоятельность учеников никто не посягал, комнаты запирались, так что жить было можно, только вот приходилось напоминать себе не привыкать – дома, в Питере, такой заботы не будет...

Иногда это здорово раздражало: в первом приближении Сильвана была похожа на то, что Алексей день за днём видел вокруг себя на Земле, но он то и дело спотыкался о мелочи. Взять хотя бы такую обыденную вещь, как календарь – даже он здесь был не как у людей. В году официально насчитывалось триста шестьдесят дней, нацело поделенных на десятидневные декады – по девять на каждое календарное время года. Декада играла роль недели – семь рабочих дней, три выходных; деления на месяцы не было. А ещё в году оставалось пять «лишних» дней – самых больших праздников, как бы выпадающих из системы. Если до праздничной даты, скажем, шёл второй день декады, то за ней следовал не четвёртый, а третий. Наверное, это было удобно, если привыкнуть, вот только Алексей долго безбожно путался в датах и раз за разом прикусывал язык, уже готовый ляпнуть что-ни-

будь про «воскресенье» или, скажем, «октябрь», которых тут просто не существовало...

Или, например, это дурацкое «Лексий»! Эта форма до сих пор вызывала у него отторжение, но он уже и сам иногда так себя называл – просто потому, что все называли. Ещё, чего доброго, привыкнешь!..

А ещё здесь не пили чая. Вообще. Совсем. Кажется, просто не знали такого напитка, да и кофе тоже. При мысли о том, что среднестатистическому сельванину приходится весь его жалкий век жить на вине, пиве и молоке, Алексея бросало в дрожь и самую искреннюю жалость – особенно к себе. Когда золотая осень сменилась затяжными дождями, заставившими Ларса с господином Дели перебраться с открытого воздуха в зал, у одного землянина вообще началась самая настоящая ломка. В этом мире, промозгом и неприятном на пороге зимы, грелись ароматным глинтвейном, но это всё равно было не то, так что оставалось только вздыхать. Интересно, что сказал бы Рад, с его-то давней и верной любовью к кофе...

Рад. Каждый раз, когда Алексей думал о друге, он внутренне содрагался, словно от удара степняцкого бича по самому сердцу. Конечно, он скучал по Питеру, по России, по Земле вообще – но куда сильнее он скучал по Раду.

И это вечное чувство вины. Оно никогда не исчезало полностью, хотя Алексей пытался убедить себя, что он ничего не мог сделать. Ведь правда не мог!

Как-то раз он вспомнил охотника из восточных лесов, не выдержал и спросил у Брана:

– Почему его величество ничего не сделает со степняками? Ведь от их налётов люди страдают.

Тот удивлённо приподнял брови, но обдумал вопрос и ответил:

– Ты не первый, кто об этом спрашивает. Это уже много раз обсуждали, в том числе вместе с Оттией, ей эти ребята наносят куда больше урона, чем нам... Решение в итоге получается всегда одно и то же: цель не оправдывает средств. Увы. Неприятно, но приходится признать: кочевники причиняют меньше ущерба, чем государство понесёт затрат, если возьмётся с ними бороться. Ловить их в Сильване – напрасный труд, наша лучшая конница рядом с ними будет стадом лидийских черепах, а идти к ним в Степь – самоубийственная глупость. На их территории у нас нет шансов. Вон, мы уже как-то раз наведались к горцам в Канкару, и чем это кончилось?

Да, Алексей уже успел почитать кое-что о Канкарских войнах, отгремевших совсем недавно. Ничего хорошего Сильвана от них не получила, кроме, разве что, урока на будущее: туда, куда не зовут, лучше и не соваться...

– В общем, официально корона объявляет степняков досадной помехой, но никак не серьёзной опасностью, – заключил Бран. – До столицы и других важных городов они со своей боязнью закрытых пространств всё равно не дойдут,

а жители деревенок на восточных границах... Ну, они уже научились прятаться по лесам. Да, кому-то приходится остаток жизни доживать рабом, но с этим мы ничего поделать не можем. Так, по крайней мере, полагается считать.

Искоса бросив на Алексея внимательный взгляд, он вдруг осведомился:

– Почему это вообще тебя интересует? От Степи до Гелльса путь неблизкий.

– Праздный интерес, – солгал Алексей, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал как обычно.

На самом деле ему немного хотелось закричать.

Ведь не могло же всё это быть правдой. Не могло же быть так, что Рад никогда больше не найдётся, что-...

На этом месте Алексей сделал глубокий вдох и запретил себе об этом думать. Всё образуется. Если не образуется, то вот тогда ты и будешь размышлять, как быть, а пока сосредоточься на том, что можешь прямо сейчас. Решай проблемы по мере их поступления, иначе не осилишь вообще ни одной.

Когда у Ларса не случалось более важных и приятных планов на вечер, он благородно соглашался послушать отрывки из «Знамения власти». Алексей декламировал их ему так хорошо, как только мог, и с удивлением осознавал, что действительно почти выучил всю поэму до конца. Невероятно, но факт. Да уж, кажется, в мире в самом деле нет ничего невозможного...

Честно сказать, ему уже не терпелось поскорее сдать этот затянувшийся экзамен. Для этого ему оставалось всего ничего – научиться внятно выдавать все эти двести пятьдесят страниц (за вычетом вступительного слова, оглавления и иллюстраций, кстати, совершенно потрясающих) за один раз. До этого Алексей никогда не задумывался о том, как же сложно час говорить без остановки, и даже как-то проникся сочувствием к лекторам в университете...

Он надолго запомнил день, когда впервые одолел творение господина Шаумдорфа целиком – отчасти потому, что это, как-никак, был повод для гордости, но больше всё-таки из-за того, что в тот самый день он чуть было не сыграл сам с собой в Джека Потрошителя.

Вообще, причиной всей этой трагикомической истории стало сочетание двух обстоятельств. Первое заключалось в том, что в здешней первой половине девятнадцатого века (проведя аналогии с российским обществом, Алексей решил, что это самое близкое соответствие, которое он вообще сможет найти) никому ещё не пришло в голову изобрести безопасную бритву. На самом деле, это было серьёзной проблемой, потому что опасным Алексей не доверял – он не без основания полагал, что может с непривычки отрезать себе голову. На первых порах он выходил из положения с помощью цирюльника, но скоро выяснил, что чувствует себя не слишком уютно, когда какой-то незнакомый человек размахивает острыми предметами у его лица. Это, кстати, от-

носились и к стрижке волос, просто потому, что местные парикмахеры, похоже, по совместительству подрабатывали коновалами и кровопускателями, но нескромно длинные мужские шевелюры были на пике моды, так что Алексей особо и не переживал, а вот шикарную бороду отпускать пока что-то не хотелось.

Словом, в итоге пришлось осваивать хитрое искусство бритья самому. Получалось пока, если честно, так себе – раз этак на сотый ему надоело чертыхаться по поводу очередного мелкого пореза, так что Алексей начал воспринимать их философски. Ну, разве что иногда со вздохом думал, что какое-нибудь заживляющее заклинание сейчас было бы очень кстати...

Второе обстоятельство звали Базилевсом, а для разных случайно оказавшихся поблизости землян – просто Васькой. Весил он как боров, топтал по коридору ногами, словно добрый конь, и иногда, если взгрустнётся, орал не хуже банши, но в целом внешние признаки наводили на смутную мысль, что это создание – жирный старый чёрный кот. Державное имечко ему, кстати, очень даже шло – котяра искренне считал себя в доме первым хозяином. Кормился он на кухне (и явно чаще и больше, чем следовало бы), но в целом жил на вольном выпасе и ходил где вздумается. Если Алексей неплотно закрывал на ночь двери комнаты, то иногда в ужасе просыпался от кошмара о том, что его хоронят живо, и не сразу осознавал, что на грудь давит не толща земли, а

уснувшая поверх его одеяла кошачья туша. Зато тоскливыми тёмными осенними вечерами наглое чудовище дрыхло у камина и добросовестно вырабатывало уют, хотя его урчание и было больше похоже на звук барахлящего лодочного мотора.

Так вот, в день, когда Алексей впервые рассказал сам себе всё «Знамение власти» от начала до конца, ничто не предвещало беды. Он брился перед зеркалом, в процессе бормоча себе под нос уже до боли знакомые строки с рифмовкой ААВ ССВ, а зашедший в гости Базилевс пристально следил за невесть откуда залетевшей в комнату молью и её не одобрял. Всё шло удивительно хорошо: поэма приближалась к концу, Алексей ни разу не сбился, и даже коварная бритва и та, кажется, перестала жаждать его крови...

Потом Базилевс поднял свой вальяжный хвостовой отсек с его кровати и погнался за молью.

Как выяснилось, когда в тебя на приличной скорости врежется шерстяное когтистое ядро, которое немножко не рассчитало траекторию прыжка, удар получается неслабый.

Бритва была так хорошо заточена, что в первую секунду Алексей даже ничего не почувствовал – осознал случившееся только тогда, когда снова поднял глаза на зеркало и узрел своё залитое кровью лицо. Да, вот потом наконец стало больно.

Первым порывом было грязно выругаться, следующим – прбпасть, нет, нельзя, ведь иначе придётся начинать «Знамение» с самого начала! Чёрт знает, как, но он каким-то чудом

умудрился до сих пор не сбиться, и, проклятье, не собирался делать этого сейчас, когда до конца осталось всего ничего...

На его счастье, у школы был собственный медик. Правда, седеющая суровая дама по имени госпожа Гиляр была из тех врачей, с которыми стараешься болеть пореже, зато она уже привыкла к странностям волшебников и ничему не удивлялась. Увидев Алексея, появившегося у неё на пороге с прижатым к губам окровавленным носовым платком, она и не подумала охать и ахать. Она упёрла руки в бока и грозно спросила:

– Ну, и как это получилось? Вы что, дрались на боевых мечах? Кому уши оторвать?

Ответить Алексей не мог – ему ещё нужно было договорить «Знамение», поэтому он просто поднял свободную ладонь, прося женщину повременить с вопросами. Госпожа Гиляр утомлённо вздохнула, но промолчала и, скрестив руки на груди, стала ждать.

– ... *во веки веков*, – выдохнул Алексей и, на какое-то мгновение совершенно счастливый, с наслаждением перевёл дух. – Всё! Госпожа Гиляр, никто не виноват, честное слово, это просто нелепое и анекдотическое стечение обстоятельств...

Жалкие попытки в остроумие были скорее явлением нервным – он никогда не думал, что боится крови, но тут она была своя, и её, чёрт побери, было море, и останавливаться она что-то не собиралась.

Из всего персонала школы волшебником в данный момент был один только Бран. Господин Гедреф, например, посвятил жизнь теоретическим изысканиям в волшебной сфере, поэтому и достиг своих преклонных лет – маги до его возраста попросту не доживали. Госпожа Гиляр тоже обходилась без чар – хотя, возможно, у неё просто было какое-то своё особое волшебство, для которого пациенту нужно было обязательно сообщить, что он бестолочь и виноват сам. В данном случае она, наверное, была права. Как бы то ни было, благодаря её заботам Алексей выжил, ему даже милостиво пообещали, что до свадьбы заживёт, но вот со швами походить придётся. Несколько дней после происшествия жертва кошачьего нападения являла собой крайне неутешительное зрелище, и Алексею стало немного легче только тогда, когда Базилевса настигло неминуемое отмщение в форме увесистого пинка. После этого они не дружили аж дня четыре, но потом помирились.

Будущим коллегам пришлось наплести что-то о том, что он сдуру ввязался в городе в драку за незнакомую девицу, к которой приставал кто-то пьяный и буйный – потому что скажи он правду, его наверняка засмеяли бы насмерть. Ребята вряд ли так уж поверили в эту байку, но смолчали. Сам порез затянулся даже раньше, чем Алексей начал помышлять о свадьбе, но от него в итоге остался шрам – не на полроти, конечно, и на том спасибо, но всё равно довольно заметный, в виде вертикальной полосы от подбородка почти

до носа, идущей слева через губы. Ладно, чёрт с ним! Так его весьма посредственная физиономия хотя бы приобрела какую-никакую интересность, и Алексей решил считать, что всё к лучшему.

В конечном итоге «Знамение» он сдавал не через две декады, а через три – пока губы не зажали, ему было просто-напросто больно много говорить. Ларс, конечно, успокоил товарища, пообещав, что в случае неудачи Бран отправит его доучивать дальше, вот и всё, но Алексею что-то всё равно было как-то волнительно. Экзамен проходил в неформальной обстановке – один на один, в той самой маленькой гостиной, где будущие волшебники частенько проводили свободное время. Когда Лексий – то есть, тьфу ты, когда Алексей явился, Бран сидел в кресле у камина, задумчиво глядя на страницу лежащей у него на коленях раскрытой книги. Алексей узнал её: «О вечной красоте» Ха'Арди, классическая восточная поэзия. Бран явно был равнодушен к этому сборнику: ученики то и дело видели, как он проводит с ним вечера или просто бездумно перелистывает страницы, размышляя о чём-то другом...

– Пожалуйста, начинай, если готов, – равнодушно сказал Бран, не поднимая головы.

Алексей собрался с духом, ещё раз восстановил в памяти хронологию событий девятнадцати шаумдорфовских песней и начал. Ну же, давай, ты сможешь. Как магнитофон, главное – говорить и не задумываться, иначе сам себе помешаешь...

Пока он с гулко бьющимся сердцем повествовал о деяниях и войнах короля Гэйнора, Бран читал под зажжённой лампой стихи о любви: совершенно невозмутимо переворачивал страницы, подолгу задерживал взгляд на особенно прекрасных строках и откровенно не обращал никакого внимания на странного парня, который стоял перед ним и в одно лицо изображал вечер поэзии. Чем дальше, тем больше Алексей убеждался, что его вообще не слушают, и, как выяснилось, это до смешного сильно отвлекало. Когда он начинал беситься, сбиться становилось гораздо легче. Нужно было попытаться абстрагироваться и смотреть в другую сторону, вот только никуда не исчезающий шорох листов «Вечной красоты» всё равно мешал сосредоточиться – как нарочно!

Лексий твёрдо решил не поддаваться на провокации. Он уже продержался больше половины этой чёртовой поэмы, которую декламировал полчаса подряд, отступить было некуда, и он упрямо продолжал:

– ... На землю спускает мрак, и не видно лиц;

Выходит неслышной поступью лунный лис

На небесный луг-...

– Бесшумной.

Алексей почувствовал себя поездом, который на полном ходу врезался в стену. Торможение было таким резким, что он не сразу понял, что вообще происходит.

– ... ч-что, прости? – наконец спросил он, вновь обретая дар речи.

– Бесшумной поступью, – совершенно спокойно пояснил Бран. – Песнь шестнадцатая, восьмая строка, страница сто девяносто три, если у тебя иллюстрированное издание. Оно у тебя с собой? Проверь, если хочешь, хотя тебе в любом случае начинать заново.

И безучастно добавил, вновь возвращаясь к своей книге:

– Если считаешь, что тебе нужно подучить ещё, можешь попытаться как-нибудь в другой день.

Вот тут Алексей разозлился по-настоящему – и на человека перед собой, и на Мартина Шаумдорфа, и на этого проклятого лунного лиса. Вот что ему стоило выходить на небесный луг неслышной поступью вместо бесшумной?! Пропать, да это ведь вообще одно и то же!

– Нет уж! – заявил он с бурлящим внутри тихим бешенством. – Попробую ещё раз. Если у тебя, конечно, – он стрельнул горящим взглядом в томик Ха’Арди, – нет более важных дел...

– Более важных? – словно не понимая, повторил Бран. – О, перестань. Ученики всегда на первом месте.

И по его тону Алексей честно не смог понять, издевается он или нет.

Он победил «Знамение власти» с третьего раза – мог бы и со второго, но как-то совсем нелепо оговорился ещё в четвёртой песни, так что это даже почти не было обидно. Хотя нет, на самом деле было, и вообще к концу третьего раза Алексей успел посадить голос и возненавидеть классиче-

скую литературу в целом и поэзию в частности... Когда он выговорил это последнее «во веки веков», то даже как-то не сразу поверил, что это всё и что он правда это сделал. А Бран наконец закрыл книгу, отложил её на подлокотник кресла, улыбнулся и сказал:

– Ну что ж, вполне недурно. Я рад, что ты не стал тянуть до бесконечности только потому, что я не задал тебе точный срок, и мне нравится твоё упрямство. Интересно, это у вас семейное? Элиас, прежде чем добрался до конца, начинал четырежды, сидели с ним до глубокой ночи...

О, хоть что-то хорошее: ты обошёл меньшим числом попыток, чем этот высокомерный тип. Молодец, можешь собой гордиться.

– Не смотри на меня так, – хмыкнул Бран. – Только слепой не заметил бы, что между вами творится. Это ваше дело, ненавидьте друг друга сколько угодно, пока это не мешает вам учиться. И до дуэли доводить не советую, они вообще-то запрещены, и если разных не в меру ретивых Халогаландов ещё вполне может выручить древность рода, у парня вроде тебя точно будут неприятности... Ладно, а сейчас отправляйся спать, потому что завтра ты наконец начнёшь по-настоящему. Надеюсь, ты полон рвения.

Когда Алексей уже стоял на пороге, Бран окликнул его:

– Лексий?

– Да? – обернулся тот. Он уже научился с первого раза откликаться на это имя.

– Можешь гордиться собой за тот случай с котом. Я впечатлён. Умение не отвлекаться, что бы ни творилось вокруг, для волшебника жизненно важно, когда-нибудь оно тебе здорово пригодится.

Лексий не стал интересоваться, откуда Бран знает – он уже успел понять, что их учитель так или иначе в курсе всего, что происходит в этом доме.

Бран Лейо вообще был небезынтересной личностью. Он не прилагал к этому никаких усилий, но его знал весь Урсул – впрочем, Брану от этого, кажется, было ни горячо, ни холодно. Судя по неприлично короткой для Сильваны практичной стрижке и постоянной лёгкой небритости, его вообще не слишком волновало, кто и что о нём подумает. К лучшим людям господин Лейо не принадлежал, но это было неважно: хоть волшебников и считали оригиналами, страннее которых только астрономы, немногочисленность и престиж профессии автоматически выводили их в верхние слои общества.

Никто никогда ничего не слышал о его семье, но среди магов хватало одиночек – многие считали безответственным подпускать кого-то слишком уж близко, заранее зная, что «долго и счастливо» всё равно не получится. Сам Бран невозмутимо говорил, что его семья – это школа, и Алексей снова не мог понять, серьёзен он или нет. Бесспорной правдой было как минимум то, что школа действительно находилась на его попечении. Эта должность здесь не называлась

директорской, но Бран отвечал за бумажную работу, преподавание и персонал...

Вряд ли это было так уж сложно сейчас, когда учеников у него было всего трое, а учителей и того меньше.

Бран не обсуждал текущее положение дел со своими подопечными. Только один раз, вечером, он пришёл посмотреть на них в какой-то невесёлой задумчивости, а на вопрос Ларса о причинах коротко поведал:

– Мало вас.

– Тебе с нами скучно? – картинно огорчился Халогаланд.

Бран усмехнулся.

– Да с вами заскучаешь, пожалуй... Вот только всё равно мало.

На самом деле, они догадывались, в чём дело. По городу давно ходили сплетни, будто его величество Клавдий подумывает и вовсе закрыть Урскульскую школу. Немудрено – при её нынешней популярности игра вряд ли стоила свеч. Похоже, единственной причиной, почему их троих до сих пор не отправили доучиваться в Рутью, было упорство Брана.

Поговаривали, будто бы у него с царём есть некие личные связи. По слухам, странный небритый волшебник близко сошёлся с монархом ещё лет с десять назад, когда судьба свела их на последней из Канкарских войн, в итоге пройденной этими двоими бок о бок, и вроде как даже Бран в какой-то момент спас Клавдию жизнь или ещё что-то в том же духе... Когда Ларс в шутку обмолвился об этом при самом господи-

не Лейо, тот нахмурился и сказал:

– Не глупите. Вы что, романов перечитали? Мы с его величеством, к сожалению или к счастью, никакие не друзья юности, и я, конечно же, не в праве советовать ему, что делать. Просто, слава Айду, он достаточно умен, чтобы прислушиваться, когда ему говорят здравые вещи. Иногда.

Вообще, Бран предпочитал не обсуждать власть в праздных беседах – едва ли из-за страха. Самым категоричным, что они вообще как-то раз от него услышали, было:

– Я, конечно, ещё застал его величество Юлия, но я не настолько стар, чтобы хорошо его помнить. Хороший ли Клавдий царь? Понятия не имею, мне не с кем сравнить. Но я твёрдо уверен в одном: этот человек хочет своей стране добра, и, судя по тому, что я вижу, пока у него получается неплохо. Не безупречно, но безупречно и невозможно.

И, как ни странно, после этих слов Алексей проникся к Клавдию определённой симпатией.

Война с царём за судьбу школы была не единственным занятием Брана – он не лгал, когда говорил, что скучать ему некогда. Ещё в их самую первую встречу Алексей понял по усталым теням под его глазами, что человек перед ним из тех, кто сам никогда не даёт себе покоя. Бран поддерживал исследования в области экспериментальной магии, не раз за счёт личных средств помогал неволшебным учебным заведениям столицы, у которых почему-нибудь были трудности, и сыграл не последнюю роль в учреждении открытой пару

лет назад Урсульской медицинской академии – до её появления получить адекватную врачебную подготовку можно было только в Оттии, что, по справедливому мнению господина Лейо, было для государства тяжким позором... Ещё он, конечно же, был в курсе всех последних событий мира магии, следил за выходящими трудами по её теории и поддерживал активную переписку со многими коллегами, в частности, с руководством Рутынской школы. Иногда он делился с учениками её последними новостями: дела там, судя по всему, шли просто прекрасно, жизнь кипела, желающих стать волшебниками, несмотря ни на что, было хоть отбавляй... К удивлению Алексея, при всей кошмарной патриархальности здешнего общества среди недавно принесших в Рутье присягу волшебника были в том числе и две девушки, причём отучились они блестяще. Бран пояснил: никакие правила не запрещали представительницам прекрасного пола идти в волшебницы, просто дамы обычно сами видели свою жизнь как-то иначе – ну, или их родители, женихи и прочие неравнодушные. Редкой женщине в этой стране хватало смелости самой что-то за себя решать...

Впрочем, не Алексею было осуждать кого-то за недостаток смелости.

На следующий день после того, как он, Бран и господин Шаумдорф совместно скоротали приятный вечер, Алексей, как ему велели, явился в библиотеку. Бран уже ждал его там; Ларс и Элиас, очевидно, не относящиеся к делу, читали что-

то умное за столами у него за спиной.

– Я, конечно, сегодня сразу дам тебе первые заклинания, чтобы зубрить, от этого нам никуда не деться, – начал Бран, – но, кроме прочего, я хочу, чтобы ты уже сейчас начал учиться слушать. Тут чем раньше, тем лучше.

Алексей прикусил язык, с которого рвалась глуповатая шутка вроде «слушать? я что, ненароком записался на курсы первой психологической помощи?», а Бран вдруг, не оборачиваясь, ровно сказал:

– Господин Халогаланд, раз уж вы всё равно ничем не заняты, объясните коллеге, что я сейчас имею в виду.

– Можно своими словами? – ничуть не смутившись, уточнил Ларс, который действительно отвлекся от книги и с любопытством следил за их беседой. У господина Лейо определённо были глаза на затылке.

Бран едва заметно улыбнулся.

– Какими угодно.

– Всё равно сложно! – пожаловался Ларс. – Ладно. Дело такое: «слушать» – это наш профессиональный термин, вот только я ума не приложу, как теоретически объяснить это тому, кто сам ещё не почувствовал... В общем, это что-то вроде умения воспринимать мир не органами чувств, а... чем-то другим. Если научишься, например, сможешь ориентироваться без света, угадывать, что у людей в карманах и на уме или там, посмотрев на небо, сразу точно узнать, будет ли дождь... Я бы сказал, что это способность лучше других по-

нимать, что происходит вокруг тебя... или как-то замечать то, чего другие не замечают... не знаю! Нечто сродни тому, что обычно называют интуицией, вот только она стихийна, а мы развиваем осознанное умение. Но вообще вон возьми Ваэля почитай, он всяко объясняет лучше меня.

– Ого, – только и смог ответить Алексей, который всё равно не понял, и тупо уточнил, – А зачем всё это?

Раньше он, признаться честно, просто как-то не сталкивался с применением экстрасенсорики в повседневной жизни.

– Айду, это ведь даже ребёнку понятно! – фыркнул из-за своей книги Элиас. – Раз магия сокращает жизнь, то не стоит расходовать её впустую, как считаешь? Если тебе нужно разрушить стену, что разумнее – просто разнести её на куски или отыскать в ней самый непрочный камень?

– Именно, – кивнул Бран. – Я, конечно, могу заложить вам в головы по две сотни заклинаний и отпустить на все четыре стороны, но я намерен научить вас использовать их с умом. Без умения слушать в магию соваться вообще не стоит, и я не шучу. К тому же, если планируешь общаться и работать с волшебниками, уметь защищаться от любителей подслушивать тоже не лишнее...

Он сделал паузу.

– Правда, учти, что учиться всему этому будет не столь сложно, сколь долго, и да, сначала тебе точно покажется, что ты даром теряешь время и вообще занят чем-то не тем,

но если ты постарайся и воспримешь задачу серьезно, то потом всё поймёшь.

Требование серьёзного отношения к делу выполнить было сложнее всего, но Алексей решил, что постарается.

– Хорошо, – кивнул он. – Что нужно делать?

Бран хлопнул ладонью по стенке ближайшего библиотечного стеллажа.

– Вот тебе полка. В одной из книг спрятан лист с дерева в парке. Тополиный, если это тебе поможет. Твоя задача – его найти. Любым способом, никаких ограничений, но чем быстрее – тем лучше.

И на этом инструкции кончились. Дав ученику задание, Бран удалился по своим делам, которых у него всегда хватало, а Алексей остался созерцать стеллаж. Тот был высоким, выше читателя, и хранил столько книг, что процесс последовательного перелистывания по одной обещал затянуться до ночи...

– Он не шутит? – наконец уточнил Алексей, не обращаясь ни к кому в особенности. – Это правда так делается?

– Ну, нас, по крайней мере, учили точно так же, – успокоил Ларс.

– А ты это умеешь? – полюбопытствовал Алексей. – Ну... слушать?

Ларс откинулся на спинку стула.

– Немножко. Пока хуже, чем хотелось бы. Хотя книжку твою вроде уже вижу... Только тебе не скажу. Сам ищи.

Ну, в общем-то, а что ещё ему оставалось?

Следующую пару часов Алексей потратил на перелистывание случайных книг, взятых с полок без всякой системы – спасибо хоть догадался отмечать для себя названия тех, которые уже просмотрел. На самом деле, этому занятию предстояло стать для него привычным, потому что в дальнейшем тренировки с листочком между страниц повторялись ежедневно, хотя Алексей действительно не видел в них ровно никакого смысла. Иногда, махнув на всё рукой, он просто начинал перебирать книги по порядку, иногда стоял перед полкой и честно изо всех сил пытался почувствовать хоть что-то, вот только ни разу пока не угадал...

Что ж, никто не говорил, что волшебником стать легко.

Когда Бран исполнил своё обещание и выдал ему ворох листов с первыми заклинаниями, которые нужно было просто и неизобретательно заучить наизусть, Алексей наконец понял, почему память в школе – главный критерий отбора. Тексты представляли собой просто набор звуков, на первый взгляд совершенно бессвязных и не несущих никакой смысловой нагрузки.

– Пока не забивай себе голову принципом их действия, – посоветовал Бран. – Нет, если любопытно, можешь об этом почитать, но, как по мне, тебе сейчас рановато. Ещё успеешь. Пока просто учи, только, ради обоих богов, если тебе удобнее делать это вслух, не забывай не договаривать последнее слово или два, давай обойдёмся без неожиданностей.

Алексей уже знал: чтобы заклинание сработало, его обязательно нужно было произнести вслух, ну, или хотя бы беззвучно проартикулировать губами – непременно от начала до конца, ни слова не перепутав и не выпустив. Почему-нибудь прервавшись на середине, можно было исправить дело, если молчать и не говорить в перерыве ничего постороннего – тогда потом, какое угодно время спустя, можно было продолжить. В целом, предостережения Брана были ни к чему – Алексей и так уже слышал историю про одного безмозглого студента прошлых лет, который зубрил слишком мощное заклинание, увлёкся, случайно его сколдовал и умер, исчерпав свой магический лимит. В самом начале обучения чары, которые он мог ненароком сотворить, не были и близко такими энергозатратными, но мало ли! Повторять подвиг что-то не хотелось, хотя, по слухам, это было бы и не больно...

Говорили, что всё, что чувствует волшебник, добравшийся до своего предела – это безграничная усталость, и всё. Смерть не была ни мучительной, ни мгновенной, у мага обычно оставалось в запасе от пары минут до пары часов, чтобы успеть осознать, что происходит, правда, поди вот пойми, хорошо это или скорее не слишком...

Так, приятель, не загоняйся хотя бы на этот счёт. *Настолько* долго ты здесь уж точно не останешься.

... Вот только библиотека, так и не подсказавшая Алексею ответа на вопрос, как он сюда попал, возможно, считала иначе, и чем дальше, тем сложнее было это отрицать.

Ладно, Бран хотя бы пока был им доволен. Кажется. Хотя иногда он и одаривал Алексея – Лексия – слишком уж внимательными взглядами, от которых тот начинал нервничать.

Ладно. В конце концов, ты не пугливый первокурсник. Да, пусть ты до сих пор только и можешь, что плыть по течению, но хотя бы не тонешь, а это уже хорошо.

Прорвёмся. Справлялись и не с таким.

Глава пятая: Жеребёнок

После набора в середине зимы их стало аж четверо.

К тому моменту Лексий с ужасом осознал, что его новая жизнь незаметно для него самого успела войти в колею. Будни укачивали и усыпляли, как усыпляет в поезде мерный стук колёс – тем более что чем дальше, тем чаще он ловил себя на мысли, что школа волшебства по своей сути не так уж разительно отличается от университета, в котором он учился раньше.

Ну, ладно, предположим, список предметов совсем не совпадал. Даже если опустить разные сверхъестественные колдовские штуки, студентам-филологам (часто к их огромной радости) не приходилось изучать, например, физику, а вот будущим волшебникам без неё было никуда. Штудирруя книжки по теме, Лексий выяснил, что местному Эйнштейну ещё только предстояло родиться, и в представлении своих обитателей этот мир до сих пор работал в рамках классической механики. Некий пантеец по имени Уилфри Стэг мыслил поразительно схоже Ньютоном, а физические законы, выведенные его коллегами, вполне совпадали с тем немногим, что Лексий вынес со школьных уроков классе в восьмом. Да уж, а он-то думал после выпускного, что это всё ему никогда больше не пригодится...

Компанию физике составляли химия (на местном уровне

развития, правда, явно так и просящая приставки «ал-») и, персонально для Лексия, история – на этот год план был таков. Вообще-то, по-хорошему, волшебников обучали четыре года, группами до десяти человек, у каждой из которых были свой наставник и вполне чёткая программа. Но свести к общему знаменателю ребят, которые даже поступили не в один и тот же год, не мог даже Бран, поэтому Урсульская школа пока применяла к подопечным передовой индивидуальный подход. Господина Гедрефа, педантично поддерживающего идеальный порядок хотя бы в своей библиотеке, это откровенно бесило, но остальные обитатели дома, кажется, чувствовали себя неплохо.

В такой обстановке Лексий получил возможность нагонять товарищей в своём темпе. Лекций студентам никто не читал; иногда Бран собирал их, чтобы рассказать что-нибудь важное, но чаще им просто вручали книги и задавали постичь их от сих до сих, чтобы через какое-то время отчитаться о пройденном. Распределять своё время ученики могли как им вздумается – почти как в университете, только тут даже не было пар, которые приходилось бы прогуливать и испытывать муки совести. Лексия не покидало смутное чувство, что он просто-напросто поступил куда-то на заочку.

Кроме всего прочего он постоянно учил заклинания. Бран сам определял, какие из них студенты будут осваивать на этот раз, и так мастерски задавал объёмы, что в отчаяние впадать вроде не хотелось, но и расслабиться было особенно

некогда. Заучить все-все заклинания на свете, конечно, нечего было и думать – их было слишком много, и приверженцы экспериментальной магии постоянно рвались создавать новые. Заинтересовавшись процессом, Лексий узнал, что новые формулы особым образом компилируются из частей старых, после чего проверяются на специально защищённых полигонах, чтобы выяснить, соответствует ли их действие твоим ожиданиям. Гражданское население при этом пострадать не могло, для его защиты принималось достаточно мер, но вот у самого исследователя работёнка была опасная – даже если само заклинание работало как надо и не выкидывало неожиданных фортелей, всегда была опасность выгореть. Лексий уже натёкался в книгах на чары, априори слишком сильные для одного человека. По общепринятому обозначению, рядом с их первой строчкой стояла пометка «1<». Просто и понятно: если колдующих не больше одного, волшебство становится самоубийством...

В общем, никто не требовал от них объять необъятное, но на овладении неким необходимым – и в большинстве случаев достаточным – набором Бран настаивал. Есть заклинания, которые, ей-Айду, просто-напросто стыдно читать с бумажки...

У некоторых не было с этим никаких проблем. Ларс как-то по секрету поделился с Лексием, что Элиас на своём втором году учёбы знает больше чар, чем иной ученик на четвёртом, и Лексий охотно готов был в это поверить. Если гос-

подин Халогаланд воспринимал своё образование довольно легко и не рвался быть любимчиком классной дамы, то Элиас, замкнутый и себе на уме, учился как-то... яростно, как будто брал штурмом крепость. Его упорство иногда пугало, да и память у него, кажется, была просто феноменальная. Иди речь о ком-то другом, Лексий бы восхитился, а тут смог только разозлиться на то, что природа не разбирает, кому раздаёт таланты. Удивительно – до встречи с этим ершистым недо-аристократом он и не подозревал, что может так невзлюбить кого-то, с кем ему нечего делить...

По совету Брана Лексий для тренировки продолжал учить наизусть стихи, да и слова учителя об умении при любых обстоятельствах оставаться собранным запали ему в душу. Ларс, всегда готовый любезно поделиться опытом, рассказал про свой способ – декламировать всё то же злополучное «Знамение власти» во время поединка на шпагах. Что ж, стоило попробовать, тем более что Лексий к тому моменту уже мог более или менее прилично продержаться в бою против Ларса аж секунд двадцать, что уже считал потрясающим успехом, хотя и подозревал, что господин Халогаланд из душевной щедрости просто нарочно даёт ему шанс. Упражнение здорово помогало научиться сохранять дыхание, ну, и, конечно же, внесло в их регулярные тренировки приятную поэтическую нотку. Обычно всё выглядело примерно так:

– ... и рассвет не настал;

Снаружи, за лязгом мечей и за звоном-... за звуком-... ах,

чтоб тебя!..

– Почти. «За громом». «За громом лир», – деликатно поправляя Ларс и убирал от груди противника тупое острие шпаги, которой только что условно пронзил его насквозь. – Тебе стоит больше внимания уделять защите.

В общем, да, пока Лексий мог или фехтовать, или декламировать, одно из двух и не более того. Наверное, потому, что война и искусство, прямо как гений и злодейство – вещи несовместные.

Он сам не заметил, в какой момент всё это увлекло его настолько, что он начал забывать о времени и о своей цели. Наверное, это случилось в тот день, когда он наконец поверил в магию, потому что увидел её своими глазами.

Как и всё, что случилось с ним с того дня, когда они с Радом вместе спустились в злополучный переход, это не было похоже на то, о чём пишут в книгах. Это не было ни красиво, ни внушительно – просто Бран посоветовал ему выбрать какое-нибудь простенькое и безобидное заклинание и прочитать его вслух, чтобы осознать, что ты это *можешь*. Приступая, Лексий был полон скепсиса – ему с детства твердили, что чудес не бывает, и сама идея магии так до сих пор и не встала у него внутри на своё место, но, в конце концов, попытка ведь не пытка. Он решил попробовать что-нибудь очевидное и остановился на заклинании левитации предметов. Старательно вслух прочитал его от начала до конца, а потом долго и вдумчиво созерцал книгу, невесомо парящую

в воздухе примерно в полуметре от стола.

В тот момент, глядя на трактат по физике, ту самую физику презревший, Лексий переосмыслил многие вещи. Потом насмотрелся, надумался, опустил книжку обратно, но сам полностью прежним так, кажется, и не стал.

Магия существовала. Без всяких театральных вспышек, блёсток и звона серебряных колокольчиков – более того, даже без малейшего напряжения его воли. Без ничтожнейшего приложенного усилия. Для того, чтобы колдовать, и впрямь не нужно было уметь совершенно ни-че-го – ну, разве что читать. Ох, господи, то есть, конечно, ох, Айду, он, конечно, всегда знал, что «словом можно убить, словом можно спасти», но ведь не так же буквально. Кто бы догадался, какая мощь может таиться в буквах – обычных буквах, обычными чернилами написанных на обычной бумаге...

Волшебники недаром подвергали все записи заклинний строгому учёту и ревностно следили, чтобы копии не попадали не в те руки. Научиться магии иначе, кроме как в двух официальных школах, было невозможно, как невозможно и колдовать, не принеся присягу – это жёстко контролировалось. Упомянутые Браном в первый формальности, которые приходится улаживать, если кто-то из будущих магов решал бросить учёбу на полпути, заключались в частичной корректровке памяти, чтобы там не осталось ничего... недозволенного простому смертному. Когда Лексий впервые об этом услышал, его передёрнуло, но стало немного легче, когда вы-

яснилось, что их учитель и сам ненавидит эту конкретную часть процедуры. Бран всегда говорил: то, что происходит у человека в голове, принадлежит ему и только, и, по-хорошему, лезть туда никто не имеет права. Сам наставник уж точно не имел обыкновения делиться тем, что у него в памяти и на уме...

Он жёстко осуждал подслушивание чужих мыслей, хотя технически это было не так уж сложно – особенно если жертва не умеет противостоять. Лексию, крепко застрявшему на этапе ежедневных поисков тополиного листа на необъятной полке, однако, пока было до этого как до любой из двух здешних лун. Он быстро понял, что метод перебора ни к чему не приведёт, и пытался идти другим путём: сосредотачивался, зажмурившись перед десятками книжных корешков, и выбирал тот, к которому, как ему казалось, тянулась рука. Поначалу из этого ничего не получалось, но потом – потом Лексий вдруг осознал, что всё чаще находит этот грешный листочек не с тридцатого, а с десятого или даже с пятого раза. Это вполне можно было списать на совпадение, но когда он рассказал Брану, тот удовлетворённо кивнул и расширил поле для поиска с одного стеллажа до трёх, и это, наверное, о чём-то да говорило.

Так проходили дни. То есть «проходили» – не вполне подходящее слово: они мелькали. Стоило Лeksiю на мгновение отвлечься, как «сегодня» уже становилось «позавчера», а одна декада сменяла другую.

Он утешал себя тем, что не теряет времени даром: научиться слушать стоило хотя бы ради шанса услышать среди библиотечных книг ту нужную, которую он никак не мог найти сам. Если не поможет и это, то он поймёт, что её точно там нет, и придумает что-нибудь другое. Одна проблема за раз, помнишь?

Ему хорошо удавалось отвлечься от мыслей о Земле, но когда они настигали, то наполняли его тоской и тревогой. Если время там течёт с той же скоростью, что и здесь, то из универа его, конечно же, уже отчислили, но ладно, чёрт с ним, это не самое важное... Лексия – *Алексея*, неужели ты и сам уже успел забыть своё имя?! – куда сильнее беспокоил вопрос, ищут ли его. Хватились ли мама...

Очнись, приятель, больно ты ей нужен! Да, в разлуке мы идеализируем тех, кого нет рядом, но вспомни-ка: ты всегда скучал по дому от него вдаль, а когда возвращался туда, поскорее хотел сбежать... потому что вспоминал, что нет никакого дома.

Мысль звучала предельно здраво, но почему-то совсем не утешала.

В общем и целом, хотел он того или нет, время шло, урсульская зима, скорее слякотная, чем морозная, перевалила за половину, и с новым набором в школу и в жизнь будущих волшебников вошёл новый товарищ. Вошёл, вопреки всем надеждам и чаяниям, в гордом одиночестве, зато довольно эффектно: когда кто-то из слуг ввёл его в уже почти родную

для Лексия гостиную, юноша умудрился запнуться об порог и самым забавным образом грохнуться.

Трое его будущих коллег, в тот момент бывших в сборе, от души рассмеялись – потому что не рассмеяться было невозможно. Но потом Лексий взглянул на вспыхнувшее лицо новенького и вспомнил, как в шестом классе он перешёл в другую школу. В первый день на новом месте ему в приказном порядке велели выйти к доске «рассказать о себе», и одного взгляда на глухую стену незнакомых лиц хватило, чтобы отчётливо понять: он никогда не впишется в чужой класс, так что нечего даже и пытаться...

Потом с ним случилось что-то неожиданное и очень важное по имени Радомир Юрьев, но это была совсем другая история.

Лексий встал, подошёл к новенькому и протянул ему руку. – Извини, – сказал он. – Ты как, порядок?

Юноша выглядел совсем ещё мальчишкой, ему, должно быть, едва исполнилось восемнадцать – несовершеннолетних в школу не брали. Он посмотрел на Лексия снизу вверх, и тот осознал, что у этого смешного создания абсолютно прекрасные глаза: бездонно-карие, тёмные-тёмные, такие у людей встречаются редко, чаще – у лошадей или собак... Да ещё и с длинными, красиво изогнутыми девичьими ресницами.

Парнишка не ответил и не улыбнулся; в его невероятных глазах мелькнуло недоверие, но руку он принял.

– Добро пожаловать, – с радушной улыбкой поприветствовал Ларс, когда он поднялся на ноги. – Не обижайся, на самом деле, мы тебе очень рады.

Новенького звали Танирэ Уту, он был миниатюрным и хрупким, а его длинные, почти до лопаток, светлые волосы, стянутые в хвост, пушились, как одуванчик. После короткого неуклюжего знакомства он отправился заселяться в свою комнату, а Элиас задумчиво посмотрел ему вслед и вполголоса сказал:

– Этот ягнёнок что, всерьёз намерен остаться?

Причём в этом вопросе не было ни капли яда.

– Ну, может быть, об этой истории наконец хоть кто-то забыл? – предположил Ларс.

– Да ну, – фыркнул Элиас. – Так скоро? Что-то не верится.

– Давно пора! Нет, правда, ты же сам знаешь, как это бывает, – Ларс пожал плечами. – О таких вещах весь город гудит декаду, три, пять, но в конечном итоге людям всё равно куда интереснее новая любовница соседа или там поднятые налоги. В конце концов, уже целый год прошёл. Больше даже...

И тут Лексий наконец не выдержал.

– Что за история, пропасть побори?! – потребовал он. – Вам не кажется, что я тоже имею право знать?

Он терпеть не мог, когда от него скрывали что-то важное. Особенно если это важное так или иначе касалось его самого, а он, чёрт возьми, уже провёл в этой школе достаточно

долго, чтобы оно касалось, рад он этому или нет!..

Ларс и Элиас обменялись долгими, говорящими взглядами, как будто о чём-то молча посоветовались. Потом Элиас пожал плечами и равнодушно хмыкнул:

– Ну, расскажи ему, если хочешь. Я лично не расстроюсь, если он вдруг отсюда исчезнет.

Ага, дважды. Нет уж, не дождётесь, господин бастард.

Ларс, до этого по своему обыкновению возлежавший на кресле, закинув ноги на подлокотник, вздохнул и аж сел по-человечески. Очевидно, разговор предстоял серьёзный.

– В прошлом году зимой семеро ребят погибли, – сказал он без предисловий. – Выгорели. Одного нашли в библиотеке и подумали было, что он ненароком... переучился, но ещё один просто свалился посреди разговора о чём-то совершенно неволшебном тут, в гостиной. Остальные были у себя в комнатах, кто где... Умерли одновременно. Доколдовались, хотя не колдовали.

Он помолчал.

– Никто так и не понял, что случилось, но переполох был страшный. Всю эту историю очень тщательно расследовали, только тщетно. В итоге Бран просто собрал нас всех, сказал, что он не знает, как это всё объяснить, поэтому не гарантирует, что это не повторится, и напомнил, что любой, кто не хочет рисковать собой, имеет право прекратить обучение. Очень многие воспринял и это как совет, потому что, если честно, мы все были в ужасе.

Да уж.

Признаться, Лексий ожидал чего угодно. Какой-нибудь безумной сплетни, какого-нибудь гремящего скандала, но... не этого. Не... несчастного случая на производстве. Он пытался осмыслить услышанное, а Ларс продолжал:

– Конечно, каждый год кто-нибудь да решает, что лучше всё-таки прожить подольше, это нормально, но это был первый раз, когда из игры одновременно вышла бóльшая часть. События располагали к... переосмыслению планов. Остались только мы с Элси и несколько ребят постарше, те благополучно присягнули прошлой весной... Ну и, как видишь, лучше до сих пор что-то не стало. Я правда надеялся на этот новый набор, но народ, похоже, до сих пор боится. Я слышал разговоры, некоторые вообще считают, что если уж ты твёрдо решил податься в маги, то безопаснее уехать в Рутью и учиться там! – он досадливо поморщился. – Не знаю, что Бран теперь скажет его величеству, тот наверняка снова заговорит о том, что школу пора закрыть. Странно, что нас не разогнали ещё тогда, год назад...

Ларс замолчал и слабо улыбнулся.

– Вот такая история. На самом деле, странно, что ты её совсем не слышал, об этом в своё время разве что кошки на углу не судачили... Ну как, не возникло желания собрать вещи и сбежать подобра-поздорову?

Лексий прикусил губу. Было бы куда сбежать.

– Ну уж нет, где ещё я найду бесплатное жильё в самом

центре столицы? – он заставил себя звучать беззаботно. Элиас наигранно вздохнул, мастерски изображая крушение своих самых светлых надежд.

– В общем, одно из двух, – подытожил Ларс, – или этому мальчику просто больше некуда пойти, или всё это безобразия и впрямь начало забываться... Хорошо бы, потому что я всегда хотел стать волшебником, а не отшельником! Нет, слова, конечно, похоже звучат, но...

– Ага, держи карман шире, – хмыкнул Элиас. – Этот Уту – ты слышал, как он разговаривает? Он же из деревни.

– Точно! – кивнул Ларс, как будто и впрямь что-то понял. – Тогда это многое объясняет.

Лексию, если честно, понятнее не стало, но Танирэ потом объяснил. Не сразу – в первое время он не то чтобы дичился, но будто бы разом пытался быть там же, где и все, и ужасно боялся, что его заметят. Он никогда ни с кем из них не заговаривал первым, а если к нему обращались – краснел, как девчонка, отвечал невпопад и смущался от этого ещё сильнее, так что Лексию, на самом деле, было даже как-то жалко лишний раз его трогать. К счастью, кучка взрослых чудачков, живущих под одной крышей, оказалась совсем не тем, что большой и людный класс какой-нибудь средней школы. Влиться в маленький коллектив обычно бывает проще, тем более что Ларс со своей широкой душой и неуёмной общительностью не оставлял никому вокруг себя ни малейшего шанса почувствовать себя непринятыми и одинокими. Даже

Элиас и тот при общении с Танирэ – или Тárни, эта краткая форма очень ему шла – держал свои колкости при себе. Правда, возможно, не от большой доброты, а просто потому, что обидеть этого парня было бы всё равно, что пнуть щечка...

Он был очень милым. Применительно к нему это слово каким-то неведомым образом не вызывало у Лексия обычных ассоциаций с чем-то бессмысленно-приторным. Тарни было восемнадцать, он был младше всех остальных минимум на два года, а в случае с двадцатитрёхлетним Ларсом так и вообще на все пять. У него было нежное правильное лицо и высокий голос ребёнка, и да, он всегда был таким же неуклюжим, как в день их знакомства, но эта неуклюжесть скорее трогала, чем раздражала – как и едва заметный деревенский выговор. Ещё он имел забавную привычку машинально закатывать рукава – как выяснилось позже, потому, что в детстве ему постоянно приходилось донашивать за старшими. А главное, когда он наконец потихоньку перестал страшно стесняться и вспомнил, как говорить и смеяться, атмосфера в их маленькой и не самой дружной на свете компании вдруг резко потеплела. Тарни в некотором роде был коллегой Базилевса – с ним любое помещение сразу необъяснимым образом становилось уютнее, и Лексий ловил себя на том, что даже присутствие Элиаса в такие моменты бесит его меньше.

Промозглая угрюмая зима располагала к вечерним беседам у камина, и в одной из них Тарни очень просто и спо-

койно рассказал им свою историю. Она оказалась довольно банальной, а главным героем был юноша, которого угораздило родиться последним ребёнком в большой деревенской семье. Он с самого детства был слабым – не вышел ростом, часто болел; да, конечно, он окончил сельскую школу на год раньше, чем сверстники, и окончил с отличием, но там, в его родной Шелби-на-Руне, это ровным счётом ничего не значило. Все шестеро старших братьев и сестёр Тарни уже устроились в жизни, в соответствии с гендерной ролью обзаведясь приличной профессией или зажиточным мужем, а он остался неприканным. Честно пытался найти работу, но на неизбежный физический труд просто-напросто не хватало сил, а на другой в тех краях особо не было спроса.

– Знаете, там, где я живу, два раза в год устраивают дни, куда приходят те, кому нужен работник или подмастерье, – рассказывал Тарни. – За последние четыре года я ни одного не пропустил, но каждый раз с самого утра заранее знал, что всё бесполезно, – он слабо улыбнулся. – Если честно, не слишком весело, когда стоишь, ничего уже не ждёшь, и все, кто проходит мимо, смотрят на тебя, как на бракованного жеребёнка...

Ну, положим, это он зря сказал, потому что шутливо-дружеское «жеребёнок» потом прилипло к нему навсегда – очень уж метко получилось.

Слушая рассказ Тарни, Лексий от души ему сочувствовал. Он никак не мог избавиться от мысли, что Тарни просто до-

сладно промахнулся, выбирая, где родиться: будь он не деревенским мальчишкой, а кем-то из лучших людей, он точно стал бы любимцем дам и не только – с такой-то мордашкой...

К дню своего совершеннолетия «бракованному жеребёнку» уже некуда было деться от факта, что так дело не пойдёт. Он был не намерен мёртвым грузом оставаться у родителей на шее, тем более что те и сами ясно давали ему понять, что любить они его, конечно, любят, но из родного гнезда всё-таки пора вылетать. Последней каплей стали слова отца: тот как-то раз, будучи не в духе, сгоряча сморозил какую-то чушь о том, что младшему сыну, кажется, впору готовить приданое, потому что иначе сбить эту обузу с рук точно не получится...

Тарни смущённо признался, что никогда не был храбрым. Он уж точно не грезил о том, чтобы отправиться покорять столицу, тем более что покорять, как он считал, было особо и нечем – но это был единственный выход, который он увидел. Танирэ явился в Урсул не за богатством и не за славой, он не строил амбициозных планов и не питал особых надежд – он просто хотел найти своё место и дело, которым мог бы заниматься с пользой для других. Вот и всё.

Лексий едва сдержал невесёлую усмешку. Сбежать в большой город, где тебя, в общем-то, никто не ждёт, просто потому, что ты не можешь больше оставаться там, где был... Звучало подозрительно знакомо.

– А вы? – вдруг спросил Тарни, обводя притихших слу-

шателей взглядом. – Что вас сюда привело?

– Деньги, – равнодушно сказал Элиас, долго не раздумывая. – Только деньги и ничего больше.

– Благородство и человеколюбие, – возвестил Ларс с таким пафосом, что Лексий ни на грош ему не поверил.

Он вдруг осознал, что все взгляды устремились на него.

Его очередь.

Ох. Ну что, вот *что* он может им ответить?..

– Так получилось, – просто вздохнул он, не придумав ничего лучше.

Танирэ посмотрел на него очень внимательным взглядом своих удивительных тёмных глаз и серьёзно сказал:

– Лексий, если не хочешь – не говори.

Лексий с благодарностью улыбнулся ему, и больше от него ничего не требовали. Бран хорошо научил своих подопечных не лезть в чужие жизни и души...

В ритм учёбы Тарни вошёл довольно быстро. Лексий понял, что у этого парня не будет больших проблем, когда на вопрос Брана, как у него вообще дела с памятью, Танирэ походя упомянул, что почти наизусть знает Либрию. Ну, может, не дословно, с оговорками и неточностями, но около дела.

К этому дню Лексий уже успел познакомиться с Либрией, местным священным писанием. Книга, конечно, была недостаточно толстой, чтобы ею убивать, но «Знамение власти», в общем, молча завидовало в сторонке. Бран, производящий

впечатление человека, который в этой жизни повидал всякое, и тот с очевидным замешательством уточнил:

– Всю?

– Ну да, – просто кивнул Тарни. – Кроме Книги Ухода. Когда мы до неё дошли, нам сказали, что она слишком печальная, а нам ещё рано знать, каким грустным местом может быть этот мир.

– Ты что, готовился в служители? – поинтересовался Бран.

– Нас учили по ней читать и писать, – пояснил Тарни и с каким-то внезапным смущением добавил:

– В переводе на отти, конечно. Кордос нам не преподавали...

Ну, Лексия это почему-то не удивляло. Он был почти уверен, что в сельских школах на Земле тоже не преподавали, скажем, латынь.

Либрия, конечно, сама по себе заслуживала отдельного разговора.

Религия во всех здешних развитых странах была одна и та же, хоть и немного в разных вариантах. Все версии так или иначе сходились на том, что у истоков данного конкретного мира стояли демиурги, создавшие небо, землю, время, природу и всё остальное, включая людей, чистой силой своего желания. Творцов было двое – вечно юная девушка по имени Айду и её младший брат Наллен, навсегда подросток. Эта парочка изрядно напоминала античных богов: при всей сво-

ей всесильности и бессмертности они уж больно смахивали на людей, причём именно на людей молодых – беспечных, эгоистичных и недалёковидных. Особой мудростью или там безупречной нравственностью ни Айду, ни тем более её братишка не страдали – да что уж там говорить, если, они и всю эту историю с созданием мира, судя по всему, затеяли просто от скуки! Всё сущее, что любой смертный сейчас мог видеть вокруг себя, и многое неподвластное его взору, было в своё время построено двумя детьми для игр и развлечений. Вот вам и вся космогония.

Если верить Либрии, то божественная парочка в основном приятно проводила время, устраивая над людьми шутки, крутя романы со смертными и резвясь по полям и лесам. Наллен, например, страстно любил охоту – по легенде, у него даже был ловчий сокол с огненными перьями. А Айду в качестве питомца сопровождал лунный лис – тот самый, из шамудорфовой метафоры... Разные судьбы человечества, вселенское равновесие и прочие грандиозные вещи ребят, похоже, интересовали очень мало.

А потом, по прошествии нескольких столетий, или, может, даже пары тысяч лет, юным божкам надоело, и они ушли. Просто взяли и ушли куда-то, неизвестно куда, возможно, намереваясь создать взамен наскучившей игрушки пару новых. Чувства вроде ответственности или вины, похоже, были им совершенно чужды – Либрия говорила, что, уходя с лёгким сердцем, боги ни разу не оглянулись на мир,

брошенный ими на милость судеб. Айду позаботилась разве что о том, чтобы оставить после себя Надзирателей – незримых существ, наблюдающих за тем, чтобы мироздание работало как надо. Законы физики соблюдались, день в срок сменялся ночью, ну, и так далее... Если богам люди были интересны хотя бы для забавы, Надзирателям было плевать. Они не помогали и не мешали; они не чувствовали. Просто следили за тем, исправно ли крутятся шестерёнки.

В итоге от божеств, по сути, остались только память, имена, которыми здесь клялись и ругались, да одно из созвездий на ночном небе. Поверье гласило, что Наллен, уходя, из озорства пришил свою Огнептицу к небосводу, где она стала горсткой звёзд. Дети порой бывают такими жестокими.

В том виде, в каком местная религия дошла до сего дня, она, пожалуй, была одним из самых комфортных верований, которые Лексий вообще знал. Безалаберные молодые божества едва ли могли служить примерами благоразумия и воздержанности, к тому же Либрия не говорила ничего внятного о загробном мире и даже не знала с уверенностью, есть ли после смерти хоть что-нибудь, так что в Сильване сейчас проповедовались философия *carpe diem* и умеренный гедонизм. А что, в самом деле, если уж всё равно не знаешь, что там впереди, разве не логично, что нужно постараться хорошо провести время на этом свете – а вдруг другого и не будет? Служители не требовали от своей паствы ни постов, ни аскезы, ни слишком усердного посещения церквей – хотя

многие, кстати, всё равно регулярно бывали в храмах, а богослужения по случаю пяти внекалендарных праздников собирали изрядные толпы. Особенно два главных – на Айдун, здешний новый год, и печальный весенний День Ухода...

В этом мире получалось так, что богам не столько поклонялись, сколько просто их помнили. Молиться им было бесполезно – всё равно не услышат, ушли же, а Надзирателям, по всеобщему верованию, плевать, – но в целом народ вроде как всё устраивало. Разными вопросами нравственности и морали занимались мирские законы, писанные и неписанные, а религия, по сути, учила одному: постарайся радоваться каждому дню, потому что каждое мгновение – неповторимый дар, а слишком далеко можешь и не загадывать, всё равно ведь не угадаешь. У соседей дела обстояли немного иначе: Лексий, например, слышал что-то о том, что в Оттии Надзирателей почитают чуть ли не больше, чем тех, кто их назначил. Что ж, на самом деле, он готов был согласиться, что *такие* боги большого уважения и не заслуживают... Разные толкования Либрии считались личным делом каждого государства – когда Лексий изучал мировую историю, он даже удивился отсутствию мало-мальски серьёзных религиозных войн. Ну и ладно, как будто для них не хватает других поводов, вон, Оттия снова в тысячный раз по кругу заводит разговор о том, что Сильвана нравилась ей куда больше, пока была её частью...

«Знамения власти» Тарни ожидаемо не испугался – на-

оборот, поэзия Шаумдорфа живо его заинтересовала, и они с Браном часто обсуждали литературу. Как-то раз, молчаливо прислушиваясь к их слишком умному для него разговору, Лексий не выдержал и задал вопрос, который давно не давал ему покоя:

– Бран, какой смысл в том, что мы учим эту поэму? Нет, серьёзно, от неё в самом деле так много пользы?

Бран откинулся на спинку кресла и посмотрел на ученика так, словно тот чем-то изрядно его позабавил.

– Я давно уже гадал, спросит ли хоть кто-нибудь, – заметил он. – Ну, раз уж тебе так хочется знать, я скажу: да, я правда считаю, что это полезно. Самое очевидное – это развивает ваши память и внимание, но безропотное выполнение нелепых и невозможных на первый взгляд заданий к тому же поможет вам мириться с любыми приказами начальства, потому что выполнять их всё равно придётся. Не подумай, я ни в коем случае не хочу сказать, что вы не должны пытаться – *обоснованно* – высказывать своё мнение, если от вас хотят чего-то совсем уж не того, но правда в том, что это, увы, не всегда помогает, – Бран усмехнулся. – Если тебе когда-нибудь не повезёт стать приближённым его величества Клавдия, ты об этом вспомнишь. Но да, ты навёл меня на одну важную мысль...

Он вдруг хлопнул в ладоши и, повысив голос, окликнул:

– Мальчики, отвлекитесь. Я хочу, чтобы вы все сейчас меня слышали.

Ларс, задумчиво созерцающий пламя в камине, вернулся к реальности и перебрался поближе. Элиас, сидящий на подоконнике, закрыл и отложил книгу.

– Вот что, – неожиданно серьёзно сказал Бран. – Я сейчас буду повторять вещи, которые вы и так должны ясно понимать. Когда – и если – вы примете присягу, отдавать вам приказы будет иметь право только сам царь – или специально и недвусмысленно уполномоченные им лица. Кроме того, вы обязаны будете применять магию в случаях, подробно и чётко оговоренных в соответствующем указе – если помните, это большие пожары, эпидемии, войны и далее по списку. Копии указа есть в нашей библиотеке, и я бы очень советовал вам выучить наизусть и его, просто потому, что это может когда-нибудь не только избавить вас от ненужных споров, но и в самом что ни на есть буквальном смысле продлить жизнь.

Он замолчал и обвёл их глазами, словно собираясь с мыслями.

– Пока ничего нового, правда? Но вот что я хочу до вас донести: во всех остальных случаях, не установленных законодательно, вы и только вы сами решаете, прибегать к магии или нет. Мне нужно, чтобы это дошло до вас прямо сейчас. Присяга не даст вам колдовать в нарушение действующих законов; во всех остальных случаях вы можете использовать волшебство, когда захотите – или *не использовать*, если вам покажется, что так будет мудрее. Вы имеете на это полное право, и, кто бы что вам ни говорил, вы не должны чувство-

вать себя виноватыми. В конце концов, речь идёт не о чём-то, а о вашей жизни, и это не шутки. Не позволяйте никому вас вынуждать. Научитесь отказывать, если придётся. Любовь к ближним – это прекрасно, но вам нужно научиться прежде всего беречь самих себя.

– Кто бы говорил, – вполголоса хмыкнул Ларс. – Бран, почему тогда ты сам столько колдуешь ради других?

Бран не нахмурился, но линия его губ вдруг стала жёсткой, а между бровей появилась крошечная морщинка.

– Халогаланд, моя жизнь вас не касается, – сказал он сухо.

– Да, прости, – кротко вздохнул Ларс и замолчал.

Лексий, конечно, запомнил этот разговор, но он до сих пор не собирался задерживаться здесь вплоть до присяги.

Он до сих пор ходил в библиотеку, хотя теперь уже реже – одна неудача за другой здорово подорвали его дух. Всё сложнее было бороться с желанием подойти к господину Гедрефу и спросить: «Извините за беспокойство, но нет ли у вас чего-нибудь научно-популярного про мгновенные произвольные перемещения из одного мира в *чертовски*, совершенно другой?». Останавливал, пожалуй, даже не столько страх, сколько неприступный вид седого библиотекаря, который всегда выглядел так, словно ужасно занят чем-то очень важным. Лексий радовался, что хотя бы не обязан отчитываться перед ним за каждую книгу, иначе всё было бы гораздо сложнее...

В один прекрасный день он, что с ним теперь не так ча-

сто случалось, засиделся в библиотеке допоздна. Господин Гедреф и тот уже отправился к себе – благо, чужие здесь не ходили, и можно было не запирасть дверь на ночь. Сдаваясь, Лексий утомлённо вздохнул, закрыл фолиант, на страницу которого тупо смотрел последние десять минут, вернул его на полку и пошёл спать. Он устал, он был расстроен и понимал, что, кажется, пора наконец придумать что-то ещё; погружённый в собственные мысли, он не сразу заметил Брана, сидящего у выхода за библиотечарским столом, и вздрогнул, когда тот нарочито шумно отложил книгу, которую держал в руках. Лексию даже не понадобилось смотреть на обложку, чтобы узнать: «О вечной красоте». Всё-таки нужно как-нибудь набраться наглости и спросить, за что Бран её так любит...

– Будь добр, удели мне время, – сказал господин Лейо, и что-то неуловимое в его тоне подсказывало, что это была не просьба.

– Конечно, – машинально кивнул Лексий, ничего не понимая. – Бран, в чём дело?

– Я прекрасно помню, что я сам сказал тебе, что ты можешь располагать этой библиотекой как хочешь и читать что угодно, – серые глаза Брана были непривычно холодными, и от этого Лексию вдруг стало зябко, словно от сквозняка, – но я пригляделся к книгам, которые ты берёшь, и знаешь что? Довольно странный набор для кого-то, кто только-только начал учёбу. Я надеюсь, что ты простишь мне это вторжение в

твою жизнь; да, такое совершенно не в моих правилах, но, видишь ли, я отвечаю за безопасность этой школы, её учеников и знаний, которые в ней хранятся, и я не намерен рисковать. Некоторые из книг, которые ты смотришь, слишком сложны для понимания даже на четвёртом году в этой школе, и ни одна из них не относится к тому, что тебе положено изучать сейчас. Я вижу в твоём чтении некую систему, но, давай начистоту, я не понимаю.

Он на мгновение прикрыл глаза и вздохнул.

– Ки-Рин, чего ты добиваешься?

Лексий стоял перед ним, ошеломлённый и безмолвный. Он с самого начала ждал удара – и всё равно оказался к нему не готов. Что теперь? Сдаваться? Защищаться? Всё отрицать – или пойти ва-банк и выложить всё начистоту? Паника горячей волной подступила к горлу, но он велел себе перестать. Ну же, ты ведь всё-таки учился на волшебника, а волшебник не должен терять головы. Соберись. Думай!

Бран молча сидел перед ним и ждал ответа. Бран... Да, этот человек не раз повторял, что ему нет дела до прошлого его учеников, да, он недвусмысленно держал их на расстоянии, если кто-то, как Ларс тогда, пытался заводить разговоры о слишком личном, но... К нему всегда можно было прийти, если что-то не ладилось, и он как никто умел объяснять непонятное и парой слов возвращать присутствие духа. Когда Танирэ появился в доме, Лексий видел, что Бран, не афишируя этого, следит за тем, чтобы новенький не оказал-

ся изгоем. Более того, Лексий был уверен, что тогда, осенью, господин Лейо делал то же самое для него самого. Учителя имеют привычку глядеть на подопечных свысока, но Бран держался с ними на равных. Он ничему не удивлялся и никогда не спешил с выводами, не успев как следует разобраться, как дела обстоят на самом деле...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.